

ЕЛЕНА РОНИНА

За
ЗАШТОРЕННЫМИ
окнами

Букет белых роз
и открытка с одним только
СЛОВОМ – «прости»

Елена Ронина
За зашторенными окнами
Серия «Близкие люди.
Романы Елены Рониной»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55342717
За зашторенными окнами: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-110523-5*

Аннотация

Катерина счастлива, что наконец-то устроила личную жизнь. Ее избранник – востребованный врач и обаятельный интеллектual. Подарок судьбы – думают все, если бы не одна тайна, которая перечеркивает любые достоинства. Ира – самая успешная из подруг: обеспеченный любящий муж, богатый дом, недавно родился второй ребенок. Однако подруги начинают подозревать, что мать малыша – старшая 15-летняя дочь, а отец – кто-то из старинных друзей мужа. Во многих парах за внешним благополучием скрываются неприглядные вещи, но тайное всегда становится явным.

Содержание

Частная клиника	5
1	5
2	11
3	19
4	24
5	31
6	38
7	45
8	51
9	58
10	63
11	69
12	75
13	82
14	90
15	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Елена Ронина

За зашторенными окнами

© Ронина Е., 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Частная клиника

1

День не задался с самого утра. И все из-за бессонной ночи. Этой ночью Катерине Мельниковой вдруг пришла в голову совершенно сумасшедшая мысль: а правильно ли она живет? Ради чего весь этот бешеный ритм? Дом – работа, работа – дом. Что в доме? Ничего. Вернее, в доме – вечно голодная, но очень гордая Эсмеральда. То есть нельзя, конечно, сказать, что совсем ничего – но, наверное, все-таки маловато для почти сорокалетней женщины с приличным достатком, высшим образованием и достойной работой.

Катерина твердо решила: нужно что-то менять. Платье ей шло, и она сама это видела. Только что с того? Со спектаклем не повезло, и она обвинила во всем платье – типа, принесло несчастье. Запихнула его комком в дальний угол. И при чем здесь театр? Да и, собственно, платье ни при чем... Просто в театр Катерина должна была пойти не одна, а с молодым человеком. Очередная попытка очень деятельной тетки ее с кем-нибудь познакомить. Родители давно махнули рукой, а тетка все старалась, все изыскивала очередные варианты.

Только вот что? Дом? Нет, это невозможно. Работу? Работу свою Катерина любила. Работа – это вообще вся жизнь.

Себя, что ли, поменять... Только как же ее – себя – поменять-то? Все ясно! Нужно изменить гардероб! Решение, конечно, пришло в голову немножко женское, Катерине несвойственное. У нее работа мужская и весь жизненный уклад аскетичный. Но решила же меняться! В конце концов! Сколько ей лет, и почему она так рано записала себя в старухи или вот в непонятное существо среднего пола, модное название – «уни»... Только это впрямь удобно: напяливаешь на себя, что первое под руку подвернулось, и – вперед.

Сколько можно ходить в брюках? Есть же и юбки, и платья! И даже в гардеробе у Катерины. Женщина силилась вспомнить, какие именно, перебирала в голове полки слева направо и снизу вверх, и тем самым сон уходил все дальше и дальше. А новые идеи прочно поселялись в распухшей голове.

Вот надену сегодня платье! Или, может быть, для начала просто шелковую блузку с вязанным жилетом – и все-таки оставить брюки? Нет-нет, никаких компромиссов, решила – значит, решила. И даже юбка – это тоже полумера. Пусть будет платье. Хотя бы то, трикотажное, которое привезла из поездки по Германии. Ведь полдня ходила по магазинам, набрала себе кучу барахла. И платья, и туфли на каблуках, и страшно модные ботфорты. Что из этого она хотя бы один раз надела? Сиреневое платье в театр? Да-да.

– Мальчик из очень хорошей семьи.

– Мальчик из очень обеспеченной семьи.

– Ну, конечно, не принц, но и мы не королевских кровей. Вариантов становилось все меньше, мальчишки лысели и толстели. Но тетка не сдавалась. Почему этот молодой и «очень перспективный» так и не объявился, никто в итоге не понял. Тетка потом что-то мычала, мол, так сложилось. На что Катерина рывкнула: «Все! Больше никогда ни с кем знакомиться не пойду! Не дождетесь! Сами не позорьтесь и меня не позорьте!»

Она ждала на холоде «свою судьбу» минут двадцать. Вбежала в театр последняя, в темном зале, спотыкаясь, пробиравась через чужие ботинки и слушала недовольное шиканье: «Раньше нужно приходить, в театр все-таки собрались!» Какое тут может быть настроение?!

Но Катерина себе почему-то внушила, что он, этот судьбоносный жених, все же приходил, оценил ее издалека и решил не окликать. Не вышла Катерина рожей или каким другим местом – это ж теперь не проверишь, спросить-то не у кого. Вот и швырнула платье куда подальше, чтобы не вспоминать про позор. Хотя опять же, при чем тут платье?! Она же в дубленке была! И в шапке! Может, ему шапка не понравилась?

Ну ладно, не будем надевать то сиреневое. Или оно все же фиолетовое? С цветами у Катерины всегда не очень складывалось. Возьмем серое! И цвет модный, и все-таки не такое броское. Нельзя же вот так сразу меняться. Нужно как-то потихоньку.

И неважно, что на работе придется сразу переодеться. И

сменить любой, самый красивый наряд на накрахмаленный белый костюм врача – Катерина работала в больнице. Пожалуй, терапевты еще могут позволить себе надеть халат поверх юбки с блузкой, хотя это и не очень удобно. Встал, сел, послушал больного, помял ему живот. Согнулся, разогнулся. Все эти манипуляции лучше проделывать просто в халате, надетом на тонкую маечку, чтобы движения не сковывались, чтобы доктор чувствовал себя комфортно. Да и касается это все равно только терапевтов, педиатров – иными словами, докторов, работающих в поликлиниках.

У хирургов по-другому. Никакой юбки и никакой маечки. Пришел в больницу – и все свое оставил за бортом. Кстати, удобно: у врача не должно быть ничего личного. Только работа. Сосредоточился – и вперед. Одежду снимаешь с себя вместе с настроением, заботами, неприятностями. Так и Катерина: заместила свою личную жизнь – этой, больничной. И когда надевала свой хирургический костюм, чувствовала себя красивой, уверенной в себе женщиной. Или все же уверенным в себе врачом? Разница. А когда переодевалась после работы, мысль одна: скорее добежать до дома. И плюхнуться в кресло. И чтобы сразу Эсмеральда легла на колени. И тихо задремать с пультом от телевизора в руке. Что это? Почему?

Катерина чувствовала: в последнее время она распустилась окончательно. Да, приходится рано вставать да далеко ехать. Но, в конце концов, ей еще нет и сорока. В наши вре-

мена такой возраст для женщины далеко не закат, а, можно сказать, расцвет! А она как влезла в одни джинсы, практически мужские ботинки и всесезонную куртку, так и бегаёт в этом наряде круглый год. Прямо как елка, которая и зимой, и летом. Неправильно это. Ну и что, что удобно, что никто на нее в транспорте внимания не обращает? А для себя?

Про «себя» Катерина понимала не очень. То, что покупалось, все время было для кого-то. Для себя – джинсы и майки, а все эти платья-каблуки – если вдруг надо будет кого-то покорить. И прямо-таки шоком и откровением прозвучали для нее слова известной певицы Ирины Понаровской. Певица рассуждала на тему нижнего белья. Покупается-де оно совсем даже не для свиданий определенного толка, а исключительно для себя, любимой. Мол, женщина чувствует себя совершенно по-другому, если на ней белье надето, купленное за много долларов.

Лично Катерина будет всегда думать про эти самые доллары и про то, сколько всего можно было бы на них купить. Кроме того, газовые вставки противно врезаются в тело и натирают в самых неожиданных местах, а белье все равно никто не видит. На свидания Катерина ходит редко, живет в квартире с кошкой, так что стиль «унисекс» и впрямь для нее самый комфортный.

Но сегодняшней ночью вновь вдруг закралась в голову мысль – измениться. Почему она до сих пор одна, почему работа съедает все свободное время, а кошка заменяет семью?

Наверное, все-таки виновата сама Катерина. Нужно что-то предпринимать. Других все равно не изменишь, изменимся для начала самостоятельно!

Правильные и позитивные мысли, однако, долго не давали уснуть. Катерина ворочалась и вертелась, продумывая костюм на следующий день. Вспомнила даже про шейный платок, сапоги на каблуках, купленные по случаю на распродаже, и длинную дубленку, подаренную родителями на прошлый Новый год. Сколько раз она ее надевала? От силы раза два. Последний раз – в тот самый злополучный театр.

Все, не будем винить ни дубленку, ни платье, вот прямо завтра и оденемся красиво. Да и родители наконец порадуются, увидев дочь в своем подарке. Уже устала отвечать на вздохи мамы: «Опять в этом малахае. Есть же приличная вещь!»

Да, даже мама, заикленная исключительно на себе, и та замечала, что Катерина выглядит не на все сто. А скорее, тянет от силы на десять, если мерить по процентной шкале.

Все, меняемся! Комплект для выхода на работу в голове определился, и Катерине наконец удалось уснуть.

Звук будильника раздался неожиданно. Катерина едва оторвала голову от подушки и никак не могла окончательно проснуться. Голова тяжелая, глаза заплывшие, открываются с трудом, настроения – ноль! Тем не менее решила не отступать от намеченного плана и начала наспех одеваться.

Как итог – две пары порванных новых колготок, заевшая молния на сапогах и оторванная пуговица на дубленке. Чертыхаясь, на работу опять поехала в старых джинсах. На конференцию практически опоздала, влетела, когда уже выступал главный врач. Главный хмуро посмотрел на Мельникову (еще бы, он уже почти итоги подводит, а она только явилась!), кивнул и опять продолжил разбирать сложный случай в отделении.

Конференции всегда проходили по одному и тому же заведенному алгоритму – отчитывались зав-отделениями, и всегда начинали с приемного покоя. Как правило, голые цифры: сколько больных поступило, в какие отделения, сколько операций сделано, сколько осложнений, сколько пациентов выписано. Главный врач традиционно выступал последним, высказывал свое мнение. Как правило, говорил конструктивно, только по делу.

Катерина, пригнувшись, прокралась на свободный стул. Со своего места неодобрительно покачал головой Леша Зай-

цев, подмигнул Женя Федоров. Да, друзья на месте. А Влад? Неужели тоже опоздал?

Молодой человек тихонько толкнул женщину в бок. Катерина аж вздрогнула от неожиданности.

– Влад, а я тебя и не заметила.

– Ну спасибо тебе, удружила, – прошипел он сквозь зубы.

– Чего ты? – Катерина покосилась в сторону молодого доктора. Вид у того был не особенно свежий.

Господи, да просто день такой! Бури какие-то, не иначе. Вон и главный врач, Геннадий Иванович, весь опухший, но с ним-то все ясно – принял вчера, видать, за воротник. Он у них на это дело очень даже способный. Сегодня у нас что, четверг? Ну вот, все правильно! Отметил, стало быть, середину недели, поэтому и не в духе. Четверг и понедельник – дни, когда всем и всегда влетало от Главного. Народ в клинике уже привык и внимания особо не обращал. Спасение – не спорить и со всем соглашаться. А к обеду, как правило, настроение у Геннадия Ивановича улучшалось – отпускало. Или опохмелялся.

Сама Катерина, правда, вчера ничего не принимала, да и спать легла вовремя. И что? В два часа ночи проснулась – и ни туда, и ни сюда. Нашла время, когда о своей жизни переживать! Вон, до работы добирается каждый день полтора часа, вот тогда бы и думала. Ночь для того, чтобы спать. А лучше еще и выспаться. В конце концов, она – доктор. И сегодня по плану – резектоскопия. Операция предполагает-

ся не очень простая. Вот про что нужно было думать!

Нет же, практически всю ночь ворочалась, планы на будущее строила, прошлое вспоминала, даже имидж решила сменить. Правда, из этого опять ничего не вышло. В пять уснула, а в шесть, как всегда, ее разбудил вредный будильник. Легкий макияж не помог.

Катерина давно поняла: если выглядишь плохо, никакая косметика не спасет, уж лучше вообще не краситься. Так хоть страшная и страшная. А если на тебе еще и тонна макияжа, то все подумают, ты уж что-то совсем неприличное закрашиваешь, а не просто припухшие глаза.

Что Влад на нее кидается – тоже встал не с той ноги? Вроде в праздновании середины недели, как Главный, замечен не был. Она повернула к нему голову и кивнула незаметно, мол, ты чего? Обострение геморроя? Влад в ответ сделал страшные глаза. И тут Катерина сообразила. Значит, вчера встречался с Лизкой. Вот это да! Она была уверена, что встреча должна состояться в субботу. Чего это он среди недели поперся? Ну, дела! И чего, неужто Лизка его отшила? Катерина же провела с подругой предварительную беседу.

Влад строил рожи, Катерина разводила руками. Главный постоянно косился на них. Лучше его сегодня не раздражать и сделать заинтересованное лицо. Разберемся. Хотя неприятный холодок поселился у Мельниковой в груди. И дернул ее черт рассказать Владу про свою подружку! А он сразу: «Познакомь, мне нужна девушка представительской внеш-

ности для эскорта». Ну, типа, шуточки у него такие.

Все про него Катерина знала. Вдоль и поперек. Лет – тридцатник, весь такой избалованный, из профессорской семьи. Папа – завкафедрой Первого меда, мама – лор-врач. И, конечно, своему мальчику, единственному и любимому, прокладывали они только одну дорогу – дорогу врача. Сначала учили под папиным крылом, потом устроили в больницу уже под мамино крыло и в итоге выпустили в свободную жизнь к другу семьи и главному врачу частной клиники. А иначе в наше время врачом не стать. Надо отдать должное – Влад оказался неплохим хирургом. Не так чтоб жизнь ради пациента отдать мог, но справлялся со своей работой профессионально. Особенно под неусыпным оком кандидата медицинских наук Алексея Зайцева.

Таких, как Катерина – чтобы по призванию да по порыву сердца, – не осталось. Это она, как дурочка, поступала четыре года подряд. И каждый год получала пару на последнем экзамене. Причем каждый год этот экзамен оказывался другим. Давала же ей жизнь подсказки: нечего переть напролом. Не твое. Не будешь ты тут счастлива. Нет, вбила себе в голову и шла к своей цели. И санитаркой работала, и лаборанткой. Но добилась своего. Стала-таки врачом, причем не каким-нибудь терапевтом, а практикующим хирургом. Вопреки всем знакам!

Научилась пить водку, курить и ругаться матом, закрывать глаза на то, что врачи на дежурствах спят с медсестра-

ми. Могли бы и с ней спать, только она до этого не опускалась: все-таки верила в большое и светлое чувство. А вдруг оно где-то есть? И не нужно его делить с законной женой. К сожалению, такой опыт был и за плечами Катерины. Что это, медицинский крест? В смысле, крест жизненный или простота взглядов? Или просто Катерине не везло? Что греха таить – ей тоже хотелось замуж. Только коллеги-врачи были все поголовно женаты, да еще и содержали по медсестре, порой и с собственными отпрысками. Врачи, особенно хирурги – то есть те, с кем в основном и общалась Катерина Мельникова, – были народ особый.

Катерина посмотрела по сторонам. Ну просто не на ком взгляд остановить. То есть внешне – один другого лучше. И высоченные все, как на подбор, и с чувством юмора, да и доктора хорошие. Но что касается личных отношений – циники и пошляки. И святого для них ничего не осталось. Почему? Другая сторона тяжелой профессии?

Хотя. Вон Женька Федоров, допустим. Он – исключение из правил. Рассказывает о жене с любовью, все время на перерывах в ординаторской по телефону с турагентствами отдых семейный планирует. Эти телефонные звонки Катерину удивляют: почему жена не звонит, она же вроде не работает? Вот и дозванивалась бы. Или, может, Женька ей денег не дает, а сам подешевле выбирает? Как раз недавно у нее спрашивал:

– Катерин, не знаешь, как там во Вьетнаме?

– Ты же знаешь, я только в Турцию езжу. Но, наверное, круто во Вьетнаме! Вьетнамки маленькие, бегают быстро-быстро!

– Катерина, меня вьетнамки не интересуют, я тебе не Влад. Слушай, а ведь жена может неладное заподозрить, ты как думаешь? Может, лучше в Египет махнуть?

– В Египте – жара. Ты сам все, Федоров, знаешь, и не надо сейчас тут прикидываться и про вьетнамок пургу нести. Решил ехать в Египет – поезжай. Почему тебе все время нужно на чье-то мнение опереться? – Женщина и впрямь недоумевала.

– А потому, что так я сомневался, а вот посмотрел в твои выразительные глаза, сам с собой посоветовался и решил. На фига мне этот Вьетнам? От этих быстрых вьетнамок убегать? А так в Египте ляжешь и лежишь себе. В жару-то не побегаешь сильно! И отдыхаешь себе. – Женька поднял глаза в очках к потолку и проговорил тихо: – И недорого!

Вот тоже жук. Конечно, главное – это чтоб недорого. Но уролог он классный, мужики к нему со всей Москвы едут. Только Женька в коридоре появляется, все враз встают, кланяются. Федоров, правда, тоже со всеми за руку поздоровается, по плечу погладит, успокаивающе кивнет. И мужики те, как дети, получившие, наконец, заветную конфетку, – после тихо так и умиротворенно сидят, дожидаясь своей очереди: он поможет, он – царь и бог!

Ведь есть же у Женьки и на Вьетнам деньги, и на Рио-

де-Жанейро. Характер у него мухоморный... или все же – жуткая врачебная усталость? Тоже ведь пашет без перерыва на обед, принимает всех – и по записи, и без записи.

Катерина знала по себе: она могла отдыхать только лежа и тихо-тихо. И чтоб ни экскурсий, ни развлечений. Спать и читать.

Женщина никак не могла сосредоточиться на конференции. Голова тяжелая, еще и Влад никак не успокоится, бросает на нее угрюмые взгляды. Нет, ну она-то, собственно, при чем? Вот не делай людям добра...

– Мельникова, зайди сейчас ко мне, – издалека донесся голос Главного.

– Да, Геннадий Иванович. Я заявку с собой захвачу?

– У меня, Мельникова, от твоих заявок уже голова болит, – скривился Главный. Катерина подумала про себя: «Ну, допустим, голова у тебя болит не от моих заявок», но вслух ничего не сказала. – Ладно, неси, посмотрим, что у тебя опять.

Катерина почувствовала злорадные взгляды. Из-за чего опять радуются? Из-за того, что ее на ковер вызвали или из-за конкретного факта, что у Главного от нее голова болит?

Взгляды почувствовала спиной. Но точно знала, от кого они исходят. Нина Михайловна Воробей. И чего она ее так не любит? Хотя и Катерина не любила Нину Михайловну. Если ты врач, то работай честно. И не разводи больного на деньги, не лечи несуществующую эрозию. Воробей пыта-

лась втянуть женщину в свою команду и частенько посылала больных к ней, благо обе – гинекологи. Катерина должна была подтвердить диагноз, поохать, поахать, рассказать, как пациентке повезло с доктором Воробей. И операции удасться избежать, только если долго, нудно и постоянно лечиться у Нины Михайловны. Катерина этот театр не поддерживала. Она не любила этих «детка», «киска», «мы сейчас с вами прижгемся», «мы с вами будем здоровенькими». К ним, в конце концов, приходят взрослые женщины. Что в детский сад с ними играть?

И пугать Катерина не пугала, но и не сюсюкала. Она лечила. А Воробей организовывала спектакль.

Катерина спешила в ординаторскую. Заявку на покупку нового инструментария для эндоскопической стойки она написала давно, не было только повода зайти к Главному. А тут практически повезло. Хотя кто его знает, что ему надо? Голова у него, видите ли, болит. Сказал при всех. Она же не девчонка. Понятно, что пошутил, но как-то Катерину эта фраза покорила. Даже не сама фраза, а то, что она кому-то доставила удовольствие. Или ей просто показалось? Так, надо попить валерьянку. Или взять пару дней за свой счет и, наконец, отоспаться. Уже косые взгляды повсюду мерещатся.

Катерина не заметила, как Влад схватил ее за рукав.

– Разговор есть.

– Чего у тебя стряслось?

– Это у твоей подружки с головой что-то стряслось!

– Ну, так тогда у тебя к ней разговор. – Женщина постаралась высвободиться из железной хватки коллеги.

– Интересное дело! Так ты ж ее расхвалила. С чего бы я иначе к ней поперся? Исключительно по твоей рекомендации! – Влад, когда злился, становился удивительно некрасивым. Тонкие черты искажались, лицо превращалось в неприятную гримасу. Рот растягивался и пропадал вовсе, нос, напротив, удлинялся и, казалось, доставал до верхней губы.

Вот ведь метаморфоза. В покое такой славный, а в гневе – ну просто Мефистофель. Катерина поразилась своим физиономическим мыслям. Или опять мерещится? Нет, ночью надо спать! Значит, все-таки валерьяночки покапать придется.

– Хорошо, Владик, давай в обед все обсудим. Сам слышал – на ковер бегу. И потом, у меня сегодня работы полно.

– Тогда займу тебе столик. – Влад нехотя отпустил руку Катерины.

– Вот и договорились. – Женщина понеслась в ординаторскую. Слава богу, телефон был свободен. Она быстро набрала номер банка, в котором работала Лиза.

По тону, которым отвечала подруга, сразу стало ясно: свободно говорить та не могла. Катерина попыталась задавать наводящие вопросы, чтобы хоть как-то подготовиться к обеденному разговору, но Лизочка отвечала замысловато:

– Клиент оказался не нашим. Да, да, несостоятельным. Что? Можно сказать, проблемным. Расстались дружески? Ну, я надеюсь. Это наша работа, мы не можем портить отношения. Но иногда встречаются очень сложные случаи.

Катерина отчетливо представила себе сидящую за компьютером на другом конце провода Лизу – светлые волосы затянуты в строгий хвост, очки кошачьей формы в тонкой золоченой оправе, неизменный темно-серый брючный костюм, белая хлопковая рубашка и полосатый шейный платочек. Все это дополнялось неярким макияжем и, наоборот, очень яркой и радостной улыбкой.

Как-то Катерина зашла к подруге на работу. Вот тогда-то она и увидела Лизу в этой униформе. Катерина поначалу опешила и даже не сразу различила подругу, спящую между точно такими же девушками.

– Вы прямо как клоны. И, главное, у всех фигуры одинаковые.

– Нет, – улыбаясь во весь рот, ответила Лиза, – это костюмы хорошо подогнаны.

– Все худые.

– А толстых у нас выгоняют!

Да-да, и при совместном отдыхе в Турции, подойдя за очередным пирожным на ужине, Катерина говорила:

– Ну и пусть я сдохну!

А Лиза в свою очередь:

– Ну и пусть меня выгонят!

Катерина повесила трубку. Давно понятно, сейчас от Лизы ничего не добьешься: на работе она робот не только внешне, но и по сути. Значит, версию Влада придется выслушать как единственную и неопровержимую. И отдуваться за Лизочкины проделки, не представляя, что и как произошло на самом деле.

Мобильник зазвенел маминым звонком.

– Катюша, это я, твоя мама! Не забудь про баллончики!

– Здравствуй, моя мама!

– Здравствуй, Котенок! Ты про меня не забыла? А то забегаясь, и все у тебя из головы выветрится.

Катерина начала нервничать. Можно подумать, она работает тренером по легкой атлетике на стадионе «Динамо». Ох, мама, мама.

– Мам, про тебя я помню всегда. А про баллончики я не уверена.

– Ты узнаешь?

– Да, мама, сегодня обязательно забегу к специалистам.

Почему у нее установились такие странные отношения с матерью? Ведь, по сути, у нее нет ближе человека. И Катерина ждет этих маминых звонков и разговоров. Только все-таки про «как ты, Котенок?». А у мамы все всегда сводится к «как я, Котенок». Звонит она поговорить не про дочь, а про себя. Может, так ее приучил отец? Мама всегда чувствовала себя немного принцессой – той, которой натерла сами-знаете-что горошина. Такое впечатление, что горошину эту специально отец подложил, а дочка заметила и вовремя не убрала. И вот принцесса, мученица такая, мается день ото дня, поэтому все должны ее успокаивать, и жалеть, и помогать ей. Вот сейчас, например, эта новая идея с баллончиками. Дурдом какой-то.

Катерина постаралась выкинуть эту информацию, пока как ненужную, из головы. Об этом – после. Она открыла верхний ящик стола. Заявка должна лежать в самом низу, в аккуратном голубом файле. Катерина в принципе была человеком «системным», ценящим и любящим порядок. Заявка была составлена и вправду давно – месяца два лежала на са-

мом верху. Но Главный никак не хотел женщину выслушать, и потихоньку важная бумага все обрастала сверху другими, несущественными заметками и записками.

Катерина еще раз похвалила себя за порядок: и все-то у нее готово, и все-то на месте. Вот позвал Главный, а она ему раз – и документ. Плюс сразу же необходимость покупки обоснует. Вот пусть только откажет! Женщина аккуратно вытащила заявку, пробежала глазами не очень важные (но вдруг пригодятся?) заметки и записки и направилась к кабинету Главного.

– Давай, Мельникова, жду!

Каждый раз, заходя в кабинет руководителя, Катерина чувствовала себя маленькой букашкой. Огромный зал, стол для совещаний на сорок персон, вдалеке – стол самого Главного, заваленный дорогими письменными приборами. Понятное дело – люди дарят, а Геннадий Иванович все выставляет, чтобы никому обидно не было. Передаривал бы хоть, что ли. Стены увешаны пейзажами со светлыми березками и грустными парижанами, гуляющими под зонтиками вокруг Эйфелевой башни. Картины чередовались. Пейзаж, башня, пейзаж, башня.

Катерина, лавируя между большими напольными вазами, с заявкой в вытянутой руке смело шагала вперед. Да, не хватало только красных ковровых дорожек, а так, ни дать ни взять, кабинет министра сельского хозяйства. Только почему «сельского»? Придет же в голову!

Главный вышел из-за стола. С чего бы? Что случилось? Обычно он не отрывался от своих вечных бумаг, только глаза поднимал поверх очков. Может, Катерине вынесли благодарность? Правда, никого из огня она в последнее время не вытаскивала и грабителей не обезвреживала, но можно предположить, что кто-то из бывших пациентов написал благодарственное письмо. Почему бы, собственно, и нет? Катерина

– хороший доктор, дотошный, внимательный. Осложнений у нее в практике немного. Может, не такой виртуоз, как Леша Зайцев – тот банальную холецистотомию делает за двадцать минут. Катерина всегда была противницей подобных цирковых номеров: в конце концов, они лечат людей. Пусть будет подольше, но зато надежно. Спешка нужна где? Все и так знают. И уж точно не при проведении операции, даже – лапароскопической.

– Давай-давай свой листок. Понаписала! Смотри-ка, аж пять позиций.

Главный взял у Катерины заявку и пошел обратно к своему столу за очками, по дороге ткнув пальцем в стул, приглашая таким образом подчиненную присесть.

– Ну, Мельникова, ты совсем совесть потеряла, – с чувством произнес Геннадий Иванович, ознакомившись со списком.

Катерина в который раз удивилась реакции руководителя: можно подумать, она лично для себя просит путевку на Мальдивские острова.

– Ты только смотри! Ну что ты пишешь?! – Возмущению Главного не было предела.

– Что я пишу – компьютерный томограф, что ли?! Я пишу: «Ножницы – две штуки»!

Катерине все это надоело. Зачем представление-то устраивать?! Каждый раз во время операции она боится: вдруг лопнет треснувшая бранша! Должна сосредоточиться на па-

циентке, а вместо этого еще смотрит, не сломался ли окончательно инструмент! И потом, ведь реальная опасность! Кончик ножниц может обломиться в тканях больного. Тогда что?

– Нет, постой! Если бы ты писала только про ножницы, ты же еще про резектоскоп пишешь! А ты знаешь, Мельникова, сколько стоит резектоскоп?!

Катерина приготовилась отключиться, потому что сейчас начнется короткая лекция на тему, какие врачи пошли наглые, особенно молодые, а Главный в их возрасте был совсем другим. Он был скромным, работал с тем, что давали, и вытягивал любого больного.

Женщине от этих лекций становилось грустно, приходила в голову история, услышанная в Париже – про первую операцию на почке. Ее провели на осужденном на смертную казнь заключенном безо всякого наркоза. Осужденный остался жив, к тому же здоров. Чего и кого мы сегодня вспоминаем?

– Геннадий Иванович, я все поняла. Вы меня зачем позвали? А то у меня резектоскопия через полчаса.

Главный моментально вышел из образа. Вообще-то он мужик неплохой. Бывший травматолог, поэтому, в силу профессии, излишне жестковат – но справедлив. Клинику держит в ежовых рукавицах. И врачи работают в нормальных условиях, и на зарплаты не жалуются.

– Тут, Мельникова, такая неприятность вышла, даже пе-

редать тебе не могу.

У Катерины упало сердце: что могло произойти? Геннадий Иванович сразу почувствовал перебор.

– Да ты не волнуйся, по работе все у тебя в порядке. Ты же знаешь, ругаю тебя иногда за то, что больных задерживаешь. Так и ты меня пойми! Если бы наши больные койко-дни оплачивали, так нет же – операция плюс послеоперационный уход. Но я с тобой соглашаюсь. Зато из твоих больных никто с осложнениями не возвращался. Это так. – Главный задумался.

За окном грохотал шумный проспект. Геннадий Иванович все собирался с духом и никак не мог произнести главного. Может, трамвай ему мешал, и он боялся, что Катерина его плохо расслышит, а оттого неправильно поймет, или расхотелось ему вообще говорить на заданную тему.

– Что случилось? – срывающимся голосом повторила вопрос женщина.

– А-а, – как будто опомнился Главный. – Да ты не волнуйся так. С одной стороны, вроде бы даже смешно. Но с другой – неприятность.

Геннадий Иванович откашлялся.

– Понимаешь, приходила вчера жена Зайцева. Представляешь, кто-то ей на Алексея накапал.

– Странно, что только сейчас накапали. Сколько Федьке? Уже года четыре?

– Да нет, про Федьку она как раз-таки еще не прослышала.

Просто рассказали, что любовница у него есть.

Катерина покачала головой.

– Хороша любовница, Зайцев уже лет шесть как две семьи содержит.

– Ну, Мельникова, это не наше с тобой дело. – Геннадий Иванович строго посмотрел на нее. – Если у человека средств хватает, пусть хоть гарем содержит.

– Он вроде не мусульманин, – с легкой улыбкой заметила женщина.

– Так вот, – оживился Главный, – про Гальку она вроде как и не знает, а в любовницы ей кто-то в рассказе записал тебя. Вот.

Главный виновато посмотрел на подчиненную. Женщина громко, в голос расхохоталась. Ну и ну: она же этого Зайцева всегда осуждала, да и с Галькой не раз беседы вела.

Так как был и у самой Катерины неприятный опыт общения с женатым мужчиной, она знала, что выпутаться из этой ситуации непросто – ей бог помог. Но жить вот так, как Галка, всю жизнь, смириться с этим? И считать такую жизнь естественной?..

Хотелось ей психологию Галину понять. Ужасно интересно было, как это женщина может себе позволить жить с мужиком, у которого и жена, и дети, и теща, и собака – и никак не пытаться эту ситуацию изменить. Казалось, Галку это даже устраивало – вот такая роль второй жены. Она Катерине доступно объясняла, что к жене даже не ревнует, потому что

нет никакого смысла – Зайцев же не жену любит. Гальку. С женой живет исключительно от безысходности.

– Ну да, – подначивала Катерина. – А также с детьми, тещей и собаками.

И про себя еще думала: «И ездит с ними отдыхать, и проводит выходные и праздники. А с Галькой – только командировки и час после работы. Хорошо, Федька пока маленький. А потом они ему как эту ситуацию разъяснять станут?»

Галка только хмыкала в ответ: мол, все лучше, чем ничего. Это уже был камень в ее огород, Катерины. Да, Федька все же лучше, чем Эсмеральда.

– Вырастет – объясню как-нибудь.

– Я надеюсь, Геннадий Иванович, вы ей рассказали, что это не так? – Катерина в упор взглянула на шефа.

Главный как-то замялся и стал старательно рисовать чертиков на маленьком листочке для заметок.

– А что, я ей про Федьку, по-твоему, должен был рассказать?

– Про Федьку – это ваше дело. И потом, она же про Федьку не спрашивала, спрашивала про меня?

– Про тебя. – Главный виновато смотрел на подчиненную.

– Но вы же знаете, что никакая я не любовница Зайцева! – возмущенно воскликнула Катерина.

– Откуда же я точно могу знать? – наигранно гневно воскликнул ей в ответ главный врач.

– Ну, знаете! – Катерина вскочила со своего места.

Геннадий Иванович легко, по-молодецки, несмотря на большой рост, поднялся со стула и подошел к женщине.

– Подожди, Мельникова, ты не кипятись. Сама посуди, ну что бы я ей сказал? Про тебя я тоже ничего не утверждал. Только руками разводил. Вот так.

Главный встал посреди кабинета и изобразил, как он разводит руками. Получалось у него это достаточно забавно. Если бы не отчаянная карикатурность момента, Катерина бы отметила, что танцором ему в этой жизни не стать. Но как-то не до этого было.

– Баба, я тебе доложу, скандальная. Вляпался наш Лешка. Прям визжала здесь. А я только руками махал. И молчал. – Главный вздохнул. – Я тебя-то что позвал, собственно. Чтоб ты в курсе была. А там уж сама решай, соглашаться тебе на эту роль или нет.

Катерина аж рот раскрыла от изумления.

– Это с какой это стати?!

– Да ты не кипятись, Катя, не кипятись. И вообще, тебе уже бежать на операцию пора. А листочек-то с заявкой оставь. Я посмотрю, посмотрю.

Геннадий Иванович быстро открыл дверь и подтолкнул женщину к выходу.

А Главный и впрямь не осуждал Лешу Зайцева. А что его осуждать? Тем более после того, как он еще и с этой его Риммой Игоревной познакомился. Ну и имечко! Главному никак не удавалось произнести это «заморское» имя без ошибок. То он говорил «Инна Игоревна», то «Римма Игнатьевна». На «Римме Игнатьевне» они и остановились. Зайцевская же решила Главного больше не поправлять – вроде как не за этим пришла. Уж как называет, так и называет. Мужлан! Никакого понимания! «Присядьте» да «присядьте». Ты посмотри сначала на меня внимательно, потом я и присяду!

Со своей стороны Геннадий Иванович тоже никак не мог понять, что это тощая дамочка с огромной грудью все время ходит по его кабинету? И потом, нелегко ей, бедной, на таких копытах. Уж он ей и так, и этак, и даже стул отодвигал, а она руками всплеснет и дальше побежала. На другой конец кабинета. Он тогда за ней ходить начал, мало ли – во-первых, упасть может, во-вторых, уронить что-нибудь. Она ж еще руки заламывает, то вверх поднимет, вроде как волосы пригладить, то пальцем на что-нибудь укажет.

– Это вам зачем?

– Что зачем?

– Вот эта урна?

Геннадий Иванович проследил взглядом за пальцем эпа-

тажной гостыи. Красивую черную с золотом вазу подарили ему в прошлом году работники банка. Высокая, выполненная в виде конуса, она немного напоминала египетскую пирамиду и своими размерами для небольшой квартиры нового хозяина явно не подходила. И потом, если бы главврач все подарки тащил в дом, его семье просто негде было бы жить. «Прекрати превращать дом в музей!» – ругалась жена Марья. Так музей переехал к Геннадию Ивановичу в кабинет, и ваза заняла в нем одно из самых почетных мест. Во всяком случае, внимание она на себя обращала. Но чтобы вызывать вот такие сравнения?!

– Это не урна! Это ваза напольная. Сотрудники на юбилей подарили.

– Выкиньте ее немедленно. Это же урна для праха, самая настоящая. Это же плохая примета. И вообще, я чувствую у вас здесь дурную энергетику.

– Как это?

– Потоки идут. Причем сплошные. – Гостья как можно шире раскрыла глаза.

– Да? – Главный неуверенно помотал головой. – Я проверю. А вы, собственно, по какому вопросу? Со здоровьем что? Может, помочь чем?

Пришла очередь Римме Игоревне удивляться.

– У меня все в порядке. Я за собой очень слежу. А вот на вверенном вам предприятии творится что-то невообразимое. – Женщина наконец села на выделенный ей стул, ма-

нерно закинув ногу на ногу. Геннадий Иванович еще раз посмотрел на мерно покачивающийся огромный каблук. Нет, женщины совершенно себя не жалеют! А эта еще утверждает, что думает о здоровье...

– Да и я вроде, как вы правильно выразились, за вверенным мне предприятием слежу. Никаких особых нареканий. Ни от пациентов, ни от местных властей.

– А вы глубже смотрите, глубже! – Эта, как ее, Игнатьевна опять вскочила и побежала прямо к столу Геннадия Ивановича. – Я вам на ваших сотрудников намекаю!

«Вот оно! – догадался Главный. – Допрыгался Алексей! Ведь все ему говорили, нельзя же думать, что все сойдет с рук. И как он ни шифровался – тайное все равно стало явным. Бедный Федька, чем малец провинился? Эх!»

Игнатьевна обеими руками оперлась о стол главврача.

– Я все знаю! Вы покрываете любовницу моего мужа. И это вы называете больницей?! Это бордель! Но вы поплатитесь! Да, да, вы лично! Нечего мне тут головой мотать! Я вас предупреждала, урна тут не зря у вас стоит. Скоро туда положат прах.

– Да типун тебе на язык! – не выдержал Главный. – Разошлась тут, понимаешь. И нечего меня в свои семейные дела впутывать. Я за больницу отвечаю, за медикаменты, за стерильность, за безошибочную работу врачей. Все остальное должно семью волновать. Вот и не доводи! Мужа должно домой тянуть.

– Вот и правильно, должно! Домой, а не на вашу выскочку Мельникову.

Геннадий Иванович аж поперхнулся: при чем тут Мельникова? Но вслух ничего не сказал, удержался. Стало быть, Федька вне опасности. И слава богу. А Алексея он предупредит, чтоб тот поаккуратней был. Это ж надо, нервная какая у него баба!

Главный слышал, что после того, как Леха Зайцев начал зарабатывать как следует да пару раз его на ток-шоу в телевизор позвали, у супруги снесло крышу. Работу бросила: я-де теперь фигура публичная, негоже мне за кассой в универмаге стоять, мужа-звезду позорить. Вот и пошла она на модные курсы не то астрологов, не то дизайнеров, чтобы соответствовать. Макияж, маникюр, что там еще? Пожалуйста, и грудь, и фигура – а муженек-то тютю. От маникюра да звездных разговоров к Гальке бегают. Как тут разобраться, кто виноват? Да, собственно, не его это, Геннадия Ивановича, забота. Ему важно, чтобы доктор на работе не нервничал, чтобы руки у него не тряслись, а голова светлой оставалась. С этим у Зайцева вроде ничего, справляется. На жену рукой махнул – видит, та своей жизнью живет, хотя и утверждает, что исключительно для имиджа мужа старается. А ему тепло нужно, ласка. Маникюр, стало быть, не главное.

Про Катерину Мельникову Главный сразу и не сообразил. Это уже потом, дома, в разговоре за ужином Марья ему напомнила:

– Гена, а Катя как же? С ней-то ты поговорил?

– Нет. Думаешь, надо?

– А как же?! Тем более раз эта Римма боевая такая.

– Неохота мне, Маша, в это дело впутываться, честно тебе скажу.

– Уже впутался. Давай-давай, завтра прямо после конференции с ней переговори, подготовь хоть ее к этим выпадам. Надеюсь, эта Римма еще не учинила с ней разборок.

Марья, как всегда, была права. Марья – она мудрая. Что греха таить, и у Геннадия Ивановича аккурат в пятьдесят лет случился стра-ашный роман. Сколько уже лет прошло с тех пор – больше десяти, а до сих пор с содроганием вспоминает он ту жутковастенькую историю. Все готов был бросить, все. Ради кого? Ради операционной сестры. Ну, ноги, ну, волосы до плеч, ну, русалочьи глаза. А ему казалось, что все – если сейчас к ней не кинется, то настоящего счастья в жизни не испытает, и вот с этим чувством неудовлетворенности жить ему все оставшиеся годы. И наплевать ему было и на верную жену, и на двоих детей. Ничего вокруг не видел.

Марья распознала эту страсть практически сразу. Нехорошо тогда получилось: приперла его к стенке, заставила здоровьем детей поклясться, что все в порядке. Рассказал все как на духу. Попросил дать время ему разобраться. Время ему Марья дала – два дня. И сказала так:

– Останешься – не пожалеешь никогда. Я тебе помогу, вместе бороться станем, болезнь эту победим, еще смеяться

над собой будешь. Выберешь ее – так и знай, через пару лет приползешь. Я ее видела, жить с ней не сможешь. Но я тебя обратно не пушу никогда. Не прощу.

Ох, как тяжело ему было! Ох, как ломало. Но долг перед семьей возобладал. Он выбрал Марью. И Марья действительно помогла. То записочку напишет, то по телефону с теплыми словами позвонит. Сама на себя не походила, каждый день устраивала романтические ужины, организовала поездки по местам, где когда-то были счастливы. Короче, вылечился Геннадий Иванович от напасти за месяц. И действительно, с удивлением смотрел назад, вроде как это и не он тогда был. Сестричка та сразу же закрутила роман с новым заведением. Некрасиво так, показательно, у всех на глазах. Да с пьянками, да с визгливыми разборками с бывшей женой. Бог Геннадия уберег. Бог и жена.

Марья, правда, потом захандрила. Его вылечила, а сама все поверить не могла, когда очнулась, что муж вот так легко думал ее на молодую променять. Тут уж сам Геннадий испугался. Понял, какое счастье мог потерять. Все делал для своей Машеньки, лишь бы она духом воспряла. И вот трудности позади, он не нарадуется и на детей, и на жену.

Молодежь не осуждает, нет, советов не дает: у каждого своя жизнь. А вот про Мельникову действительно не подумал. Зато про вазу подумал! И даже испугался! И впрямь урна, один к одному. Только этого еще не хватало. Потихоньку завернул ее в старый медицинский халат и вывез на помой-

ку, подальше от работы.

Да, ну и денек. Это ж надо – в чем ее обвинить?! Ну Ле-ха, ну Заяц! А Главный-то, Главный?! Даже оправдывать ее не стал перед этой горе-женой. И перед самой Катериной не додумался извиниться!

Не зря ей Эсмеральда два раза дорогу перебежала, когда она к входной двери подходила. Эсмеральда – она чувствует и никогда Катерину еще не подводила. Чувствует и предупреждает. Если вот так она перебежит дорогу – точно жди неприятностей. А сегодня аж целых два раза. Кошки – существа особые, они знают. И вот, пожалуйста!

Пару лет назад кто-то из пациентов оставил в палате книжку Бернара Вербера «Империя ангелов», и Катерина зацепилась глазом. Не очень-то она во всю эту фантастическую муть верила – жизнь после смерти, знаки, на которые нужно обращать внимание. Но про кошек ей понравилось. Существа они иные, и дано им какое-то неземное знание. Эсмеральда – тому пример. После прочтения книги Катерина не на шутку начала приглядываться, чем очень удивляла свою питомицу. Вот почему на колени прыгнула или, наоборот, не прыгнула? Почему отвернулась? Неспроста!

Хотя Катерине нельзя опираться на приметы: она – врач. И на сегодня намечена серьезная операция. От Катерины Мельниковой зависят и жизнь, и здоровье. При чем здесь

кошка?! Нужно верить в свои возможности, в свои силы и никогда не сомневаться.

Негласные законы, безусловно, есть. Например, никогда не оперировать в пятницу, 13-го. Это святое. Уже давно договорились между собой, и от этого правила не отступают. Но сегодня четверг, 21-е, так что операция пройдет хорошо. Катерина спешила в отделение и занималась аутотренингом.

По пути заглянула в палату к Журавлевой. Главный, надо отдать должное, очень старался создать в каждой палате уют. И стены не больнично-белые, а разных светлых приятных оттенков, и картинки на стенах висят. А все равно больница остается больницей. И страх в глазах женщины нешуточный.

Катерина привычно подняла глаза на табличку. Это тоже идея Главного. Имя, отчество, фамилия, тут же – давление, пульс. Утром сестричка все записи сделала, врач сразу увидел полную картину. Да и не забудешь, как пациентку зовут.

– Ты как? Готова?

– Да, Екатерина Павловна, все хорошо. Что, уже?

– А чего тянуть? – Катерина присела на кровать к пациентке и взяла ее за руку. А вот это ее личная примета: она всегда перед операцией заходит к своей больной, смотрит ей в глаза, улыбается, обязательно берет за руку. Пытается наладить невидимую связь, успокоить женщину, успокоиться сама.

– Анестезиолог заходил?

– Да, все спросил, и про вставные зубы тоже. – Журавлева

вздохнула и добавила: – Наркоза немного побаиваюсь, Екатерина Павловна.

«Да ты всего побаиваешься, – про себя подумала врач. – Но это ничего». Пульс учащенный, но многие женщины совсем в транс перед операцией впадают, а Журавлева держится молодцом.

– А ты не бойся.

Не оглядываясь, быстро вышла из палаты. Все. Она настроилась на работу. Сейчас уже никто ее не сможет ни отвлечь, ни с мысли сбить. Операция пройдет хорошо.

Журавлева в клинике появилась неделю назад. Огромные испуганные глаза, полные слез, дрожащие пальцы, сжимающие стопку направлений, анализов, заключений врачей.

– Мне к вам Оля Панкратова посоветовала обратиться.

– Значит, обращайтесь, Панкратова просто так советовать не станет. – Катерина пыталась пошутить, чтобы как-то отвлечь женщину.

– Я завтра должна ложиться в «Спектр» на операцию. По поводу удаления матки. Позвонила сегодня Ольге, как-то беспокойно мне. А она прямо кричать на меня стала: «С ума сошла! Почему раньше не сказала?! Беги к Мельниковой, пусть диагноз подтвердит».

Катерина листала подборку анализов и снимков. Узлы, да, вот один, который мешает женщине жить. Понятно. Но сразу удалять орган?

– Пойдемте, сделаем еще раз УЗИ, и там будем решать. –

Мельникова взяла женщину под руку и повела по коридору. – А кто вас должен был в «Спектре» оперировать?

– Силин.

– Ясно. – Катя пыталась сохранять спокойствие, не показывать своих эмоций, но, видимо, ей это не очень хорошо удавалось.

– Вы его знаете?

На лице пациентки читалась целая радуга эмоций – недоумение, испуг, полное непонимание ситуации. Женщина была раздавлена случившимся. Кому верить? Что делать? И кто сказал, что права на самом деле вот эта вот Мельникова? А вдруг все-таки Силин? Не зря ли она сюда прибежала?

– Мы все друг друга знаем. – Катерина дала понять, что разговор окончен.

Она должна все увидеть собственными глазами. А про Силина она действительно все и давно знала. Из одной частной клиники его уже попросили – за то, что брал деньги с больных. И это при немаленьких суммах, которые пациентки платили в кассу. Скандал был громкий, слух пополз и по другим клиникам. Мир гинекологов ведь узкий: пациенты одни, все врачи друг друга знают, работали частенько вместе. И доброжелателей много, и завистников, и злопыхателей. Так вот, значит, как сейчас Юрий Петрович свои денежки зарабатывает – направляя женщин на большие операции.

Сделать резектоскопию, удалить узел – стоит порядка пятидесяти тысяч рублей. И на следующий день женщина вы-

писывается домой. Удаление матки – это большая операция. Тянет тысяч на сто. И опять же, в больнице нужно находиться неделю. Со всеми вытекающими.

– Ничего не боимся, немного холодно, и все, – Катерина водила датчиком по низу живота женщины и внимательно смотрела на монитор.

– Что там, Екатерина Павловна?

Катерина убрала датчик, принесла несколько бумажных салфеток.

– Вытирайтесь и потихонечку поднимайтесь. Голова не кружится? Ну, давайте я вам помогу.

Она дождалась, пока женщина приведет себя в порядок.

– Я не вижу оснований для такой большой операции. Я бы просто убрала узел, который мешает вам жить. Он расположен очень неудобно, поэтому и дает такие обильные кровотечения. Операцию делать нужно, без нее вам не обойтись. Но я бы орган сохранила.

Пациентка молчала, видимо, переваривала информацию, потом тихо произнесла:

– То есть операция необходима?

– Безусловно. Иначе вас просто в любой момент могут забрать по «Скорой». А такие ситуации обычно случаются в самый неподходящий момент.

– А когда нужно оперироваться?

– Да когда соберетесь. – Катерина старалась сохранять улыбку. – Нечего бояться.

– То есть и завтра можно? Я же завтра должна была в «Спектр» ложиться.

– Я на два дня ухожу на учебу. Давайте в четверг на следующей неделе?

– Екатерина Павловна, а зачем тогда Силин говорил, что нужно все удалять? Он просто утверждал, что по-другому нельзя.

Зачем, зачем. Чтобы денег с тебя слупить. А зачем еще?

Катерина никогда не ругала коллег – во всяком случае, в глаза пациентам. Все-таки должны быть и врачебная этика, и солидарность. С другой стороны, порой очень жалко глядеть на беспомощных людей, которые верили, хватались за любую соломинку, а их откровенно надували. При этом каждый доктор может мотивированно объяснить то или иное свое решение – вот что страшно! И пациенты абсолютно беззащитны!

– У каждого доктора свой взгляд и свои методы, – попыталась как можно мягче донести свое мнение Катерина. – Я в данном случае с Юрием Петровичем не согласна. Да, вам 45 лет, и, скорее всего, вы рожать уже не собираетесь.

– Да, да, – закивала Журавлева.

– Но ничего лишнего у нас в организме нет. Многими женщинами такая операция переносится психологически тяжело. Никто не знает, как отреагируете вы. Да и потом, мужья иногда начинают нервничать, и обычно мы рекомендуем про такие операции не рассказывать. Опять дискомфорт. В об-

щем, так: не волнуйся и приходи.

Незаметно для себя Катерина перешла на «ты». Она говорила «ты» всем своим пациенткам, неважно, моложе те были или намного старше. Почему? Так проще. И о диагнозе, если он плохой, легче сказать, и накричать на расклеившуюся пациентку, и подбодрить. Возникают отношения родственные, близкие, а это важно. Каждую боль пропускаешь через себя. Каждого человека. И невозможно иначе.

В медицину Катю Мельникову привел за руку Знаменский. Ее бог и царь. Человек, который ввел ее не только в профессию, но и во взрослую жизнь. Который сделал для нее больше, чем родители. За все, чем стала Катерина, она благодарна ему. Всем, что потеряла в этой жизни Катерина, она тоже обязана ему.

Он преподавал у нее на курсе. И сразу выделил пытливую девушку, которая была старше других и, в отличие от невнимательных однокашников, точно знала, чего хочет. Ловила каждое его слово, училась только на «отлично». Профессор видел, что не все науки даются студентке одинаково легко. Но он удивлялся амбициям, желанию быть первой, необыкновенной любознательности и организованности. Ну что ж, честь и хвала! Он не понимал ребят, которые учились спустя рукава, списывали на экзаменах. Или, вообще, в институтских кулуарах вели разговоры, что уже начали подыскивать себе тепленькое местечко в фармацевтических компаниях. Это после стольких-то лет сложнейшей учебы! Катя была не из таких. Знаменский поддержал девушку и после института взял ее в городскую больницу, где руководил отделением.

Практически сразу выпускница начала ему ассистировать на операциях. Ни выходных, ни проходных, ни личной жизни, ни общественной. Подготовка к операции, сама опе-

рация, обсуждения, наблюдение за больным. Суббота ли, воскресенье – к восьми бежишь в клинику. Как прошла у больной ночь? Перевязки, назначение капельниц. И ведение больных, и встреча с ее Дим Димычем.

Он стал ее первым мужчиной, первой и пока единственной любовью. Она ненавидела себя, зная, что у того семья, взрослые дети, чудесная жена, которая в годы студенчества кормила Катю пирожками с мясом, когда девушка приходила обсуждать домой к Знаменским дипломную работу. Но ничего поделаться с собой не могла. Дим Димычу не было равных. Он был гением. Он был врачом старой школы. Не в том смысле, что работал по старинке. Как раз нет: с удовольствием учился всему новому, продвигал талантливую молодежь, с радостью принял эндоскопические методы, воевал с руководством за возможность покупки своей эндоскопической стойки. Еще Дим Димыч был просто хорошим доктором. Неважно, кто перед ним оказывался – нищенка или жена дипломата. Он всегда видел только больную. И для любой делал все возможное.

В него нельзя было не влюбиться. Любовь захватила Катю с головой. Она растворилась в своем учителе.

Как Знаменский относился к молодой ассистентке? Была ли она одной среди многих или его лебединой песней? Он и сам, наверное, не мог ответить на этот вопрос. Катя оказалась очень способной ученицей, выносливой женщиной, что тоже в профессии врача немаловажно. Не каждая женщина

выдерживала. Постой-ка в операционной по шесть часов. А если на улице жара тридцатиградусная? Это сейчас есть кондиционеры, а раньше? А на тебе халат, маска, шапочка, латексные перчатки.

Катя выдерживала все. И потихоньку еще начинала направлять, вставляя вовремя нужные слова-рекомендации. Она видела больную, чувствовала, у нее работала интуиция.

– Не завести тебе семью, Катюш. Все свои силы отдаешь ты больным, – частенько сетовали нянечки из отделения.

– Успеется! – смеялась девушка. – Вот вылечу всех – и про себя, наконец, подумаю.

– Ну как же ты их всех вылечишь?! Бабы – они народ такой. То ребеночка рождает, то на аборт летит. И все-то у нее не слава богу.

– Вы, Анна Антоновна, в этом правы. От любви у нашего брата порой голову сносит, а нам разбираться. Ничего, прорвемся. И у меня кто-то роды принимать будет.

Эсмеральду тоже подарил Дим Димыч, видимо, окончательно выдав свой приговор Кате: вот она – хирургия, вот он – я. А дома у тебя всегда будет только кошка. Выбрала такой путь – что ж, ты этого хотела.

Он никогда не признавался в любви, только смотрел, сняв очки, беспомощно и доверчиво. Никогда и ничего не обещал. А Катя не спрашивала, не требовала, не ставила условий. Может, надо было? Только как? Она всегда чувствовала себя воровкой. И давала слово закончить всю эту их исто-

рию. А потом видела эти глаза без очков, которые тер Знаменский после операции. Уставший, немолодой и такой родной. И все данные себе очередной бессонной ночью обещания уходили куда-то. Никогда она его не бросит. Пусть лучше сам выгонит. А если нет, она просто будет рядом – значит, это ее крест. Такая выпала судьба.

А потом случился тот страшный инсульт. Он никогда и ни на что не жаловался, работал на износ. Без праздников, без отпусков. Не мог не быть врачом. Лечить – это было главным. Как художник не может не писать свои картины, так хирург не может не оперировать. И, как и у художника, у него должна быть Муза. Музой он выбрал Катю. Она не высказывала претензий, она всегда была рядом, она восхищалась им и не задавала вопросов. А может, и до нее у него кто-нибудь был? Может быть, она не первая вот такая Муза в жизни Дим Димыча? Может, у всех врачей так?

Геморрагический инсульт затрагивает мозг. Дим Димыч не просто в один миг превратился в неподвижное существо – он перестал кого бы то ни было узнавать. Звал только жену – и никогда Катю. Ее воспринимал как санитарку. Непослушным языком ругал за грязные полы в палате. Катя тяжело переносила такое отношение. Вера Петровна смотрела на нее с жалостью. Знала ли она, предполагала ли? Катя отводила глаза. Ей было стыдно: только теперь она поняла свое настоящее место в жизни учителя. Скорее всего, жена знала. Или догадывалась. А может, и нет – не имело значения. Он

сейчас уходит. И уходит, держа за руку жену. Про Катю даже не вспомнив.

Вера Павловна болезнь мужа переносила стойко. Домой уходила только переодеться и принять душ, всегда была рядом, не плакала, пыталась помочь, чем только могла.

Дим Димыча не стало за три недели. Все произошло очень быстро, и Катя осталась в вакууме. Она не понимала, что делать, как жить. Ей казалось, что по-новому придется учиться ходить. Отрезвляла, как всегда, мама.

– Ты думаешь, он тебя замечал? Кем ты для него была?

– Мама, перестань, и так тошно.

– А должно быть не тошно! Почувствуй наконец: теперь ты можешь начать жить полноценно. Влюбиться в какого-нибудь мальчика.

– Мама, в какого мальчика? Все мальчики мне уже в сыновья годятся.

– Катя, я образно. Конечно, не в мальчика, в мужчину.

Ясное дело, мама хотела как лучше. Они с отцом очень переживали из-за этого тихого романа. Катя была их единственной дочерью, и они с ужасом наблюдали за происходящим. Понимали, лезть бесполезно, что-нибудь говорить – тоже. Что есть, то есть. Это Катин выбор, это ее жизнь.

Смерть Дим Димыча родители восприняли как избавление, чем на какое-то время даже оттолкнули дочь от себя. И в самый сложный момент своей жизни Катерина осталась совсем одна. Помогала только работа. Она вставала за опе-

рационный стол теперь уже одна, без своего учителя, и тут же обо всем забывала. Перед ней было операционное поле и человеческая жизнь. И какое-то время после операции она чувствовала себя счастливой. Она сделала все, что могла.

Она сумела помочь, как когда-то он, — не глядя, кто перед ней, наркоманка или светская львица. Больному отдаем себя всего, до конца.

Операция прошла без каких-либо неожиданностей. Катерина шла к ординаторской и улыбалась сама себе. Какие красивые костюмы на сестрах! Раньше они носили застиранные балахоны непонятного размера. А врачи оперировали и вообще в ночных рубашках!

Катя никогда не забудет свою недолгую работу в 29-м московском роддоме. Оперировали с Татьяной, опытным, с двадцатилетним стажем, врачом-гинекологом. Татьяна – высокая, дородная, с широкой улыбкой и полными руками – вызвала у женщин особое доверие. Вот таким и должен быть врач.

Каждый день роды. Да по несколько в день.

– Ну, давай, родная, давай, хорошая! Знаю, что больно. Потерпи.

И никогда не могла Катя назвать эту работу рутиной. Она рожала с каждой женщиной.

– Тань, неужели и ты так же? За столько-то лет?

– И я так же! – весело отзывалась коллега. – К такому не привыкнешь.

Случай был сложный. У женщины открылось кровотечение прямо на улице, сама позвонила в «Скорую». Ребенок сильно недоношенный. Начали вызывать роды, сама родить не могла. Приняли решение делать кесарево сечение.

Измученную женщину привезли в операционную. Кесарево почему еще требует особой концентрации – длительный наркоз губительно действует на ребенка. Поэтому в наркоз вводим в самый последний момент, а все приготовления, которые только можно, делаем на бодрствующей пациентке. И вот Катя с Татьяной стоят собранные, сосредоточенные: нужно спасти ребенка. И вдруг обессиленная, заплаканная женщина начинает дико хохотать.

– Ты чего? – Доктора озабоченно склонились над женщиной.

– Вы в зеркало-то смотрелись? – выдавливают роженица.

Катя с Татьяной смотрят друг на друга. Действительно, зрелище не для слабонервных. Широкие ночнушки в сиреневый цветочек. У Татьяны – всем напоказ толстые коленки, а на Кате – с огромным вырезом, из которого того и гляди вывалится грудь. На головах туго повязанные, по самые брови, веселых расцветочек косынки. И впрямь цирк!

– Ладно, не гогочи! Зато стерильно. Никакой инфекции в твоё чадло не занесем. И все, ничего не бойся. Сейчас тебя всю разрисуем. Катя, давай. Голова – рисуй! Сердце! Нам ребенка живого достать нужно.

– А я? У меня дома еще один! Ему тоже мама нужна!

– Будет ему мама, не бойсь! Наркоз!

Та операция закончилась хорошо. Родился маленький, но хороший мальчик, с крепкими косточками.

– Просыпайся, просыпайся, Ленусь! Сына родила! Здоро-

вого! Давай, давай, приходи в себя. Здоровый мальчик у тебя! Ну, чего ты? Ну, не реви! Чего теперь-то нашим ночнушкам не смеешься? Все хорошо у тебя. И мама есть, и сына два. Дома-то тоже мальчик?

Татьяна приводила в чувство женщину, Катя устало стояла рядом. Никогда эта Лена не узнает, как тяжело достался им этот мальчик. Уже неважно. Каждый раз комок подкатывал к горлу при виде этих женских слез.

– Давай, Лена, давай. Скажи нам что-нибудь. Мальчик у тебя. Живой. Как назовешь-то?

– Спасибо, – еле слышно проговорила женщина.

– Вот и молодец. – Татьяна грубовато похлопала Лену по руке. – Вот и ладно.

Но про зеркало Катя запомнила. И больше старалась не пугать своим видом ни больных, ни ассистентов. И даже ночнушки выбирала, во всяком случае, по размеру.

Сейчас половина костюмов вообще шьется на заказ. Цвета самые разнообразные: и коралловые, и фисташковые. Катерина по старинке предпочитала для кабинета белый цвет. А в операционной теперь и вообще все однотонное. После операции сразу идет в отходы. Причем все хирургическое – в отдельный пакет зеленого цвета. И никакой инфекции!

– Катерина!

Навстречу бежал Заяц. Вот ведь некстати: женщина практически вышла из этого дурацкого состояния и выкинула из головы разговор с Главным.

Высокий, халат нараспашку, улыбка во весь рот. Вот, видимо, за эту улыбку его бабы и любят, не могут устоять. А он не может устоять в ответ. Только Катя-то тут как замешана?! Лично ее улыбки Леши Зайцева никак не волнуют.

– Слушай, Катерина, а ты ведь у нас красавица! Может, и впрямь за тобой приударить? – Коллега многозначительно подмигнул. – Тебе, кстати, сколько лет?

– Для тебя уже бабушка, – сквозь зубы процедила женщина.

– А я что? Нет, скажи, при чем тут я? – Леша развел руками в недоумении.

– Ну ты, Заяц, даешь! С бабами своими лучше разберись.

– Это, Катерина, невозможно. Как же с ними разобраться? Да ладно, чего ты расстроилась, из-за Римки, что ли? Из-за нее Главный сегодня вызывал? Со мной-то он еще вчера беседу провел.

– Интересно, что ж он тебе сказал? – Она сунула руки в карманы и воинственно встала напротив Зайцева.

– Что? Держись, говорит, брат, ситуация твоя непростая. Жена у тебя и кислотой облить может!

– Отлично! Прямо успокоил.

– Да ты что?! Это в шутку! – Леша от души удивился и затараторил: – Да она никогда себе такого не позволит. Она, знаешь, чего приходила-то? Сапоги новые продемонстрировать! Вот скажи, зачем она к Главному поперлась? Пошла бы сразу тебе морду бить! Так нет, она зачем-то через всю ад-

министрацию прошлась, по всем коридорам. Вот ведь баба. Поэтому ты не переживай. Но кто-то на тебя капнул. – Заяц переминался с ноги на ногу. – Римма даже не поверила, это точно, иначе, знаешь, скандал бы дома какой учинила! Пришлось бы мне еще на одну шубу раскошелиться.

– Ох, тяжело ты, Лешка, живешь!

– И не говори. Хотя, знаешь, после того как Римка своей астрологией увлеклась, она все время где-то не здесь. Все прислушивается, принимает, приглядывается. Все ей сглаз мерещится. В общем, немного тронулась.

– А чего ж ты живешь с тронутой?

– Жена! – Заяц уважительно закатил глаза. – Лучше расскажи, как прошла операция?

– Штатно, – улыбнулась Катерина.

– Кого оперировала, Силинскую пациентку?

– Ага.

Ребята в клинике жили относительно мирно. Правда, не все и не всегда. Кучковались, объединялись в коалиции, кого-то любили, кого-то нет. Почему образовалась вот такая компания – Катерина Мельникова, Влад Конюхов, Леха Зайцев и Женя Федоров, – никто уже особо и не помнил. Но команда получилась сплоченная. Делились друг с другом, советовались.

Естественно, случай Журавлевой тоже обсуждался среди друзей. Катерина продемонстрировала ребятам результаты УЗИ.

– Нет, ну посмотри, что творит? – возмущался Женя. – Совсем совесть потерял. Катерина, а ты с ним работала?

– Нет, но слышала много. Хирург-то он классный. И пациентки в него, как в бога, верят. И сарафанное радио молву пускает: «Оперироваться только у Силина, у него рука набита». К нему очереди, пойдй еще запишись попробуй!

– А главное – аргументировать-то всегда можно. Непростая все же у нас работа, ребята, – вступился Влад. – Тут даже не в самой операции дело, а в правильной постановке диагноза. Это себе нужно все время доказывать, что ты не ошибся. И сделал именно то, что нужно, и выбрал из всех зол наименьшее.

– О нас ведь как говорят: «Хирургу – ему, главное, отрезать», – заметил Заяц.

– Правильно говорят. Не так, что ли? Или ты обычно меду с горячим молоком на ночь прописываешь? – Катерина прищурилась на Влада.

– Я – да, меду. Особенно когда острый приступ аппендицита.

– Ну вот. Понятно, наше дело – отрезать и зашить. И так полостных операций почти не делаем. Только эндоскопические. Лех, ты за последние годы много «открывался»?

– Да раза два всего.

– Вот видишь! Пациент уходит с тремя маленькими дырочками. На вторые сутки может идти домой, через неделю приступать к работе. И ни тебе спаек, ни тебе осложнений.

- Сплюнь! – испугалась Катерина. Нет, она все-таки тоже была мнительной. – Но лишнего же не отрезаем!
- Стараемся! – констатировал Заяц.

Перед тем как подняться на седьмой этаж в кафе, Катерина заглянула к Журавлевой. Женщина уже проснулась. Уставшие глаза, бледная кожа, белый налет на губах. Обычное послеоперационное состояние. Мельникова с улыбкой смотрела на пациентку: все хорошо у тебя. Ну чего ж ты так боишься!

– Ты как?

– Это вы мне скажите, я как?

В глазах у женщины читался небольшой испуг. Это нормально, Катерина даже любила такие моменты – когда она опять возьмет свою пациентку за руку и скажет, что все хорошо.

– У тебя какие-то сомнения? Операция прошла очень хорошо. Я довольна.

– А почему долго так?

– Потому что случай действительно у тебя непростой, повозились мы. Но я рада, что матку тебе сохранили. Гистология будет готова через неделю. Но там ничего плохого быть не может, не волнуйся. – Катерина похлопала Журавлеву по руке.

– А домой когда?

– Завтра утром можешь отправляться. Перед выпиской еще раз все с тобой обсудим. А сегодня отдыхай.

– Спасибо вам, Екатерина Павловна. Огромное вам спасибо.

– Да уж, пожалуйста.

Теплые слова пациентов грели душу, что греха таить. Да и потом (Катерина точно знала), она, как врач, выложилась по полной. Сделала все, что могла. И искренняя благодарность была ей необходима. И подарки брала. Знала: обижать человека нельзя. Это не плата за операцию – это благодарность за ее опыт и умение.

Платили пациенты в кассу. И Катерина всегда подчеркивала:

– Услуги нашей клиники, к сожалению, недешевы. Но сумма, которую вы заплатили в кассу, включает в себя все: и ваше пребывание здесь, и уход, и операцию. В эту сумму включены и зарплата врача, и медсестры, и нянечки.

Катерина не лукавила. Все это действительно так. Почему они должны разводить людей на лишние деньги? С какой стати? И так лечение очень и очень дорогое.

Но если после таких слов все равно следовал подарок, Катерина не отказывалась: люди дарили от души. И для нее одинаково дороги были и букет цветов, и коробка конфет, и флакончик духов. Принимать подарки тоже надо уметь.

Как-то в больницу попала мама. И вот там Катя наблюдала неприятную сцену: на ее глазах дряхлая бабушка совала медсестре коробку конфет.

– Просроченные, небось! И на кой мне твои конфеты?!

Что мне их, продавать, что ли? Хочешь отблагодарить – деньги неси, а конфеты свои забирай! Вон, стопка целая стоит, глаза на них уже не глядят!

Бабуля непослушными руками утирала навернувшиеся слезы.

Катерина не знала, куда себя деть, видя такое хамство. Еще одна сторона нашей бесплатной медицины. К сожалению, и ее мама в тот момент зависела вот от этой самой сестры. Ругаться, идти к главному врачу? Катерина, как медработник, прекрасно знала, что тот скажет: «А где я тебе другую найду? Кто за такие деньги согласится работать? Сам знаю: и хамка, и лодырь, только нет у меня других сестер. Нет! Сам поставлен в зависимость вот от таких работников». Да, и от работников, и от того, что вечно денег на ремонт нет, и больные в коридоре лежат, где ветер гуляет. А оперировать порой просто нечем.

Катерина прошла школу и городского роддома, и обычной городской больницы. Всякое довелось повидать. Никогда не забудет Катя, как молодая девчонка, пришедшая на аборт, никак не могла добиться хоть какой-нибудь койки. Сестра уже всю орала:

- Девки, стройсь! Все мухой к кабинету доктора!
- А я-то, как же я? Куда ж я после этого?
- Доводить до этого неча было! – весело отфутболила ее сестра. – Вона, в десятой тетка после обеда выписывается, ее держись.

Хорошо, девушка оказалась не из робких:

– Что значит «ее держись»? Сейчас время – девять утра. А до обеда мне просто в коридоре постоять? Прямо после операции? Совесть у вас есть? Так, давайте мне белье. Я себе на каталке в коридоре постелю.

– Да на, мне не жалко, – сестра бросила девушке комплект белья и подушку. – Девки, стройсь!

И это было совсем недавно. Кате каждый раз становилось не по себе от таких ситуаций. Как помочь? И так хотелось хоть что-нибудь изменить. Мечты, мечты.

Изменить ничего не удалось. Все стало меняться само. Пришли другие времена. Только, к сожалению, не для городских больниц. Там условия остались прежними.

Но начали создаваться клиники частные. И вот там все было по-другому. Прекрасные палаты, со всеми удобствами. Как правило, двухместные, но были и одноместные, и даже двухкомнатный люкс – где в соседней комнате мог находиться родственник больного. Диетическое, почти домашнее, питание, улыбающаяся медсестра, лучшее медицинское оборудование, высококлассные специалисты, новые методики лечения.

Что скрывать – за все это приходилось платить немалые деньги. Но не все заболевшие граждане такими суммами располагали. За кого-то платило предприятие, кто-то и сам мог себе позволить платное лечение, в Москве людей обеспеченных немало. За многих пожилых пациентов платили их де-

ти. Часто, проходя по коридору, Катерина наблюдала такую картину: вот врач выходит в коридор.

– Кто привез на прием Надежду Андреевну? Вы? Вы – сын? Кто решает финансовые вопросы? Значит, так, ситуация плохая. Либо я прямо сейчас вызываю «Скорую», либо на каталке перевожу вашу маму в хирургию. С тромбами не шутим. Не хочу, чтобы ваша мама слышала, поэтому решаем здесь. Понятно, что деньги. Но операция неизбежна.

И врачи Частной клиники не бедствовали. Хорошие зарплаты, светлые ординаторские, чайники, кофемашины, компьютерная сеть с базой данных, где мгновенно можно ознакомиться с историей болезни пациента. Все сделано для удобства. Чтобы и перед операцией, и после – можно было немножко отдохнуть, сосредоточиться, собраться с мыслями.

Но Катерина все-таки постоянно испытывала чувство неловкости перед теми, другими больными, которые не могли попасть вот в такие райские условия и вынуждены были терпеть окрики наглых медсестер и лежать в продуваемых коридорах.

Влад занял столик у окна, чуть вдалеке от входа. Кстати, еще один пример заботы администрации о своих врачах. Совсем недорогие вкусные обеды, уютная домашняя обстановка, столики на четверых, покрытые яркими клетчатыми скатертями, такие же шторы на окнах. Просто итальянская пиццерия!

Теперь еще с Владом разбирайся, мало ей проблем на сегодняшний день! Главное, уговаривала себя Катерина, – это успешно проведенная операция. Все остальное уже не так важно. Да пусть говорит ей Влад все, что хочет. В конце концов, это не ее жизнь. Нет, сама виновата. Ну куда полезла?! Ясно же, сводничество – дело неблагодарное. Но, во-первых, Лиза. Подумалось: а чем черт не шутит? Ей просто телефонный номер дать – а у людей, может, жизнь сложится!

С Лизой они познакомились на отдыхе в Анталье. Отдых у Катерины проходил всегда по одному и тому же плану. И пусть Турция уже не так популярна, и ее друзья, включая и друзей-врачей, объездили всю Европу и уже переключились на Вьетнам, она оставалась Турции верна. Заказывала самый дорогой отель, обычно на начало октября. То есть, с одной стороны, отель пятизвездочный, а с другой – пик сезона уже прошел, так что цены «подъемные».

Четыре купальника, шорты, несколько маек и полчемода-

на книг. Что может быть лучше? Ничего! Лежать на пляже и читать. Или просто наслаждаться морским пейзажем. Это же сказка. Никаких экскурсий, никаких поездок по меховым и ювелирным магазинам. Отоспаться, отвлечься. Хотя бы немного отойти от постоянной ответственности, от необходимости принятия решений.

Книги для этих поездок Катерина собирала целый год. В обязательном списке стояли: Рубина, Улицкая, какой-нибудь новый зарубежный детектив, популярный французский роман и что-нибудь из Тургенева. Лучше пусть что-то останется недочитанным, чем книг на отдых не хватит. Сразу вспоминались наши советские дома отдыха с обязательными библиотеками. В такие дома отдыха Катя ездила в детстве с родителями на выходные, от папиной работы. И первым делом – в библиотеку. Брала самое зачитанное, с потрепанными страницами и заботливо склеенной обложкой.

Где те библиотеки, да и сами дома отдыха? Хотя, по легенде, где-то такие места еще существуют. Только вот выходные, проведенные в Подмосковье, по цене могут сравниться с неделей в Турции в 5-звездочном отеле! Нет, поедem снова в Турцию. Там все же море, и еда вся бесплатная, и напитки, а уж про сервис и говорить нечего! А уж книжки купим – на них Катя денег никогда не жалела.

На отдыхе Катерина практически не заводила знакомств. Мило кивала семейным парам и далее углублялась в роман. Как результат – после десяти дней «овощного отдыха» при-

езжала посвежевшая, загоревшая, полная сил и желания работать.

– Катерина, налицо курортный роман! Иначе с чего это ты так прекрасно выглядишь? – шутил Главный.

– Вот с того и выгляжу, что удалось избежать романа.

– Эх, гляди, Мельникова, засидишься в девках.

– Так засиделась уже, Геннадий Иванович! Зато я ваш самый проверенный и верный доктор! Ни тебе декретов, ни семейных дразг.

– Не зарекайся, Катерина, – обычно останавливал ее Главный, – век у вашего брата долгий. Еще преподнесешь нам сюрпризы.

Но сюрпризов все не было. А подружками на отдыхе женщина иногда обзаводилась. Лиза как раз была вот такой «привезенной» подружкой. Дружить с ней было необременительно. Так же, как и Катерина, она жила одна, так же очень много работала – руководила отделом в крупном московском банке. На пустую телефонную болтовню времени не было ни у той, ни у другой. Раз в три-четыре месяца встречались в выходные попить кофе или выбирались на какое-нибудь культурное мероприятие. Инициатором всегда выступала Лиза, а Катерина, по мере возможности, не отказывалась.

Лиза к жизни относилась легко и замуж выйти была совсем даже не прочь – никто не проехался по ее сердцу тяжелым танком, как это случилось у Катерины. И вера в Принца еще присутствовала. Да и моложе была Лиза. Тридцать три –

тот самый возраст, когда успеешь вскочить в последний вагон.

Влада из рассказов о жизни клиники Лиза выбрала сама.

– Ты нас познакомишь!

– Он тебе не нужен.

– Почему ты знаешь?!

– Потому! Маменькин сынок.

– Он – врач! – безапелляционно заявила шустрая подруга.

– Врач – это не характер, – покачала головой Катерина, не до конца уверенная в собственном заявлении.

– Врач – это способ неплохо жить.

– Лиза, тебе тяжело живется? У тебя все есть. Квартира в доме с консьержкой, и, между прочим, не как мне – от бабушки досталась, заработала сама. Машина. Ты сама себя обеспечиваешь прекрасно.

– Да, Кать, а хочется счастья. У тебя на этого Влада глаз замылился. Но я же слышу по твоим рассказах: все твои ребята – хорошие парни, с юмором, друзья настоящие. Только Федоров и Заяц – они уж больно проблемные. Жены, любовницы, экономия эта без конца и без края!

– Да Влад тот еще жмот!

– Никто толком не проверял, – воодушевленно остановила Лиза подругу. – А главное, он на сегодняшний день свободен! Потом, ты же говорила, он сам просил тебя с кем-нибудь познакомиться.

Катя действительно много рассказывала Лизе про их

дружную компанию. А про кого ей еще рассказывать? Клиника – это ее жизнь. Клиника и Эсмеральда. Ну и родители, конечно. Только родителей двое, и они больше друг для друга. Или даже не так: в их паре все вертелось вокруг мамы. До Кати им и раньше не часто дело было, а после той истории с Дим Димычем отношения и совсем расклеились. Ничего не значащие телефонные звонки, привет-привет, пока, целую! С Лизой же можно было и про работу потрепаться, и компашку их медицинскую обсудить. С ребятами у них и впрямь – коллектив. Еще и поэтому боялась Катерина таких знакомств. Не хотелось разочарований ни с какой из сторон.

Но Лиза права: Влад и впрямь недавно расстался со своей первой любовью. Долго плакался Кате в жилетку между операциями, прямо-таки засыпал ее подробностями его старинных, сложных и многолетних отношений.

– Познакомь меня с кем-нибудь. Ну хотя бы с этой твоей, как ее? Соней!

– Не Соней, а Лизой.

– Тем более. Знаешь, мне как-то имя Соня не того. А Лиза очень даже красиво. Ой, Катерин, правду скажу: мне все равно. Лиза, Соня, хоть Роза. Устал я от этого своего романа, устал, понимаешь? Она теперь, видите ли, решила разводиться с мужем. После пяти лет. Только ее Шурке уже десять. Я не представляю, как буду воспитывать девчонку-подростка. И, честно тебе скажу – не хочу. Потом: она же меня называет «дядя Коля». Наталья для конспирации придума-

ла. Тоже мне – партизанка. Нельзя жизнь с обмана начинать.

– Опомнися! О чем же ты все пять лет думал?

– Так, ты-то меня не учи. Помоги забыться! – Влад трагически уронил голову на руки, искоса поглядывая на Катерину.

– Ну, знаешь, для того, чтобы забыться, есть совсем другие адреса с телефонами. Да и, собственно, из отделения выходить не надо. Ночное дежурство, и пожалуйста тебе – забылся.

– Ага! – встрепенулся мужчина. – А потом, как Заяц, на две семьи горбатиться!

– Влад, а хотя бы на одну семью ты горбатиться готов? Ты же вроде тут в ординаторской проповедовал аскетичную мужскую жизнь.

– Проповедовал, это точно. Но решил попробовать. Последняя попытка.

И почему Катерина поверила этим двоим? И, главное, атака шла с двух сторон. Вот и дала она Владу Лизин телефон, а Лизу предупредила. Ну не передрались же они, в конце концов!

Влад доедал салат. За соседними столиками попеременно сидели посетители клиники, врачи, работники администрации. Тоже инициатива Главного. Никакого разделения, никаких врачебных обсуждений при пациентах и никаких криво толков и недовольств со стороны больных. Когда все вместе, слышат друг друга, видят, едят за соседними столиками, то и относиться друг к другу будут уважительно, с почтением. А можно даже подойти к доктору в неформальной обстановке. Мелочь? Да нет, не мелочь, а тонко продуманный ход.

– Я тебе борщ заказал и тефтели с гречкой. Идет?

– Все равно. – Катерина присела за столик.

– Устала?

– Ага.

– Журавлеву свою оперировала?

– Как говорит Заяц, «Силинскую».

Влад хмыкнул: было видно, что он немного отошел от ночного стресса.

– И как?

– Собственно, как мы и обсуждали. Повозились, конечно, но в целом все хорошо. У вас что?

– Две холецистэктомии. Плановые. Ничего интересного. –

Влад критически посмотрел на обед Катерины. – Салат тебе взять?

– Супа достаточно. Давай, выкладывай, что там у тебястряслось? И, вообще, я не понимаю, чего ради ты поперся в гости середь недели? Выходных тебе нет?

– Это у твоей дорогой подружки выходных нет!

– Ну, во-первых, это подружек у меня нет. Есть хорошие приятельницы. Лиза – она среди лучших.

– То есть сразу отрекаешься?

– При чем здесь это? – Катерина строго посмотрела на Влада. – Просто мы познакомились-то всего три года назад. И встречаемся раз в пару месяцев – в благоприятном случае. Ты хлеб весь съел? Что-то я проголодалась.

– Слушай, мать, я заметил: ты после операции трескаешь в три горла. И не поправляешься, и в зал спортивный не ходишь. Как тебе удастся?

– Конституция. Не завидуй. – Катерина нашла глазами буфетчицу Люсю. – Люся, а хлебушка еще можно?

Люся довольно кивнула головой. Странное дело: почему все работники общепита получают такую радость от возможности накормить? Веселая Люся с задорными ямочками на щеках довольно вытерла руки о фартук.

– Несу, Екатерина Павловна. Вам беленького или черного? Давайте и того, и того нарежу. Свежий!

– Давай, Люсь. Неси и того, и того. Если что, Влад доест.

– Нет, ты только представь. Тащился в Медведково после работы, через все пробки. Как порядочный, купил вино, конфеты.

– А цветы?

– Цветы, Катерина, нынче дороги.

Женщина про себя отметила: как всегда, купил только то, что сам мог съесть и выпить. Да, щедростью Влад никогда не отличался. Ведь говорила Лизе, говорила! Это тебе не Заяц, широкая душа. Если в складчину какую закуску к празднику покупали, все до последнего выгребал из карманов. Влад же – нет. Дождется, пока другие скинутся, и начинает:

– Ребята, сколько не хватает?

Друзья подшучивали над этой его странной чертой, но всерьез не обижались. Хирургом Влад был хорошим, а профессиональные качества здесь ценились.

– Девушкам положено покупать цветы, Влад.

– Так я ж ее вкусов не знал! Куплю розы, а вдруг она их терпеть не может? И только ландыши признает. Катерина, не цепляйся, лучше дальше вникай. Ну вот, в общем, ехал я почти два часа, через все пробки.

– Это я уже слышала, – перебила Мельникова.

– Ну и что, это важно! – обиженно проговорил Влад. – Машину потом припарковать не мог. С трудом втиснулся, с трудом!

Влад вздохнул: понимания со стороны коллеги не наблюдалось. Катерина упорно смотрела в тарелку, доедая борщ.

– Ничего не могу сказать, подруга твоя подготовилась. И селедочка под шубой, и винегрет. И жаркое. Ну, сели, поели, выпили. Она еще одну бутылку достала.

– То есть твою бутылку выпили?

– Так чего там пить-то? Под хорошую закуску. – Влад аж заерзал на стуле. – И чувствую я: вкусы у нас не совпадают, а времени уже двенадцать.

– А как ты почувствовал?

– Так вот как к десерту перешли, так сразу и почувствовал. «Давайте, – говорит, – Влад, я вам фотоальбомы покажу». Ты представляешь? Со всякими там ее праздниками. Из насыщенной банковской жизни. Это, говорит, наш президент, это его зам. Как думаешь, мне интересны чужие фотографии?

– Откуда я знаю? – пожала плечами женщина.

– Все ты знаешь! Они никому не интересны, – Влад сверкнул глазами. – Часа полтора смотрим и смотрим, смотрим и смотрим. А потом она и говорит: «Я думаю, вам пора домой». Ты представляешь?!

Мужчина чуть не сбросил тарелку со стола от возмущения.

– А ты что?

– Я отвечаю: «Девушка, я, между прочим, выпил. Куда ж мне в таком виде?! Неужели у вас не найдется уголка для ненавязчивого джентльмена? Моего присутствия вы даже не заметите. Точка ру».

– Ну ты, Влад, дурак, – покачала головой Катерина.

Влад был шокирован:

– Это к чему?

– К чему? К тому! – Женщина выразительно посмотрела на товарища и придвинула к себе тарелку со вторым, но Влад отказывался понимать ее намеки, поэтому пришлось добавить: – Она тебя зачем позвала?

– Вот и я думаю, зачем?! Не альбомы же смотреть!

– Вести себя надо было прилично. Девушка все тебе приготовила, стол накрыла, бутылку поставила! А ты ей – я тут с краю, к вам не прикоснусь.

– Не передергивай, такого я не говорил! Если б она мне какой диванчик предоставила, там бы по ходу увидели, куда кривая вывезет.

– Видать, она сразу поняла: никуда не вывезет. Вот и предложила тебе ехать восвояси.

– Нет, ну в какой форме! Можно же было все свести к шутке. А она: «Нет у меня тут лишних спальных мешков, придется тебе ехать домой». Мешок какой-то спальный? К чему? Я что, похож на туриста?

– Ты похож на эгоиста. Пришел, все сожрал и даже не попытался девушке показать, что она тебе понравилась.

Влад задумался.

– Вообще-то, ты права – не в моем она вкусе. Не люблю я таких крыс канцелярских. Вот знаешь, есть мужики такие – «манагеры», в костюмчиках узеньких бегают, Дэниела Крейга из себя изображают.

Катерина аж поперхнулась.

– Это кто?

– Вот деревня, мы ж тебя в кино водили. Джеймс Бонд последний.

– А, да, точно! Я тоже их не люблю.

– Ну вот, но если тетка такая, то это еще противнее. Все у нее расписано, все размечено. Билеты на самолеты на полгода вперед куплены. Не баба, а мотороллер. – Влад победно кивнул в подтверждение своего вывода.

– Так и у меня все расписано, я тебе тоже, что ли, мотороллер?

– Ты, Катерин, не мотороллер. Ты – друг.

– Успокоил, – сказала Катерина. Но в душе осталось какое-то тревожное чувство.

Тут у Влада заработал виброзвонок.

– Из отделения. – Он включил телефон. – Да? Бегу! Заяц? Да не верещи ты! Найду я Зайца. Сам найду! Будем через две минуты. Операционная свободна? Ну и чего голосить – готовьте операционную. Все. Точка ру.

– Что там?

– Подозрение на аппендицит. Побегу. – Влад огляделся.

– Зайца знаешь, где искать?

– Да знаю. И как у мужика на все сил хватает? Заплатишь?

– Да беги уже!

Нет, Влад неисправим. И зачем она их с Лизой знакомила? Да-а. Точка ру.

Катя решила не торопиться и спокойно допить чай: время в запасе у нее еще было.

– Я вам сегодня черного заварю, Екатерина Павловна. Вам, как всегда, с лимончиком?

– А зеленого нет?

– А зеленый есть! Только говорю вам, у меня черный сегодня дюже хороший. Цейлонский! – Люся обиженно встала рядом.

– Значит, давай цейлонский, – устало улыбнулась женщина. Люся кивнула и пошла в сторону кухни. Через две минуты перед Катей стоял маленький заварной чайничек, чашечка и блюдце со свежим нарезанным лимоном.

– Пожалте, Екатерина Павловна. Ничем не хуже, чем ваш зеленый. Уж чай так чай.

Катерина уже привыкла к этому официальному «Екатерина Павловна». Так ее называли больные и младший медперсонал. Для остальных же она с приходом в клинику стала Катериной. Ей не нравилось это имя, и сначала она даже не откликалась на него. Но Катюша уже здесь работала – молоденькая длинноногая сестричка. Уволилась ровно через месяц. А имя «Катерина» прилипло к новенькой намертво. Ну, что поделаешь – значит, Катерина. Ей, вообще, ко многому пришлось привыкать. Например, почему сейчас ей

нужно разбираться в чужих жизнях? Ведь она не психолог, она гинеколог! А ситуации жизненные ей работа подкидывает каждый день. И приходится их решать.

Вот вчера девчонка пришла семнадцатилетняя. Ворвалась в кабинет без вызова, захлопнула за собой дверь.

– В общем, так! – начала она без всякого «здрасьте». – Там сзади моя мамаша несется. Так и знайте, я аборт делать не буду! Потрудитесь объяснить ей, что это вредно для моего здоровья.

Девушка навалилась на дверь, чтобы снаружи ее никто не мог открыть. Катерина вышла из-за стола.

– Во-первых, здравствуй, во-вторых, не ломай дверь. Если ты не хочешь, то никто не войдет. Дверь, в конце концов, я могу просто запереть. Садись и объясняй, что случилось.

– Только вы сначала закройте дверь.

Катя кивнула. Она уже знала: бывают такие ситуации, когда действительно нужно поговорить наедине. Это необходимо не только для самой пациентки, но и для врача. Доктору нужно вникнуть, разобраться и подумать. И принять решение. Или дать обоснованный совет. Иногда это одно и то же.

Что греха таить: часто врач подталкивает пациента к принятию того единственного и правильного решения. Не всегда человек в состоянии стресса может понять, что для него лучше. Доктор на то и существует – успокоить, объяснить, направить мысли в правильное русло.

Мельникова подошла к двери, повернула ключ, и только

после этого девушка решительным шагом направилась к столу. Щуплая, небольшого роста, в длинной вытянутой кофте, лосинах, высоких сапогах-ботфортах, сумка через плечо, как у почтальона. Ничем не выделяющаяся внешность. Как сейчас обезличила себя молодежь... Хотя ведь и Катерина одевается обезличенно. Только немного в другом стиле. А так – тоже вечные джинсы, свитера, куртки, ботинки.

И все же ей, как врачу, нужно девушку сразу оценить. В том числе ее материальный достаток, ведь речь идет о возможном ребенке. Плюс – и это главное, – насколько девушка здорова.

Ну что ж – немного бледновата, но не видно признаков ни наркозависимости, ни какой-то психической болезни. Роскошные рыжие волосы затянуты в хвост, нет ни пирсинга, ни татуировок, практически не накрашена. Вещи на девушке дорогие – это заметно – и, можно сказать, подобраны со вкусом.

Катерина села за стол и быстро начала записывать.

– Как зовут, сколько лет?

– Игнатова Вера. Вера Игоревна, 17 лет.

– Хорошо. Я так поняла, ты только что из нашей поликлиники, правильно?

– Да. – Девушка кивнула, она постепенно начала успокаиваться. Такие простые вопросы всегда отвлекают, заставляют пациентку прийти в себя, отвлечься от проблем.

Катерина повернулась к компьютеру, зашла в больничную

сеть.

– У какого доктора была?

– Какая-то у нее фамилия – не то Жукова, не то Мухина. Что-то из животного мира. Не помню я. Но точно на сушеную черепашу похожа.

– Понятно. Воробей Нина Михайловна.

– Точно, Воробей! – Девушка искренне обрадовалась. – Я же говорила, что-то природное.

Да, вот и Катя эту самую Воробей про себя «Тортилой» зовет. А между прочим, Нина Михайловна не носит очков. Тортила в ней внутри сидит. Ну надо же!

Мельникова нашла в компьютере прием у доктора Воробей. Все правильно: Игнатова Вера, беременность – десять недель. Показание – записаться на прием к Мельниковой, срочно, на аборт. Ага! Вот Воробей дает! Катя повернулась на крутящемся стуле к девушке и отложила ручку.

– Ну что, давай теперь просто поговорим. Рассказывай, что ты про все это думаешь. И почему доктор Воробей сразу выписывает направление на аборт, и при чем тут твоя мама?

Девушка уже поняла, что Катерина ей не враг, ей можно довериться и наконец-то выложить все, как на духу. Сняла свой огромный баул с плеча – он рухнул на пол, пригладила хвост, откашлялась и... расплакалась. То есть, наверное, она хотела что-то рассказать, но столько времени сплошного напряжения и войны с родными сделали свое дело.

– Я ведь хотела как лучше. Думала, вот пойдем сейчас

вместе к врачу. Сама матери не могла про такое рассказать. Вот пусть расскажет доктор. Ведь я могла вообще не говорить!

– А как объяснила маме, зачем сюда идете?

– Сказала, что чувствую себя плохо, боли, все такое. Попросила, чтобы она со мной пошла. Она обрадовалась. Конечно, говорит. Вот привезла меня на машине. Понимаете, у нас с ней что-то все вкривь да вкось: и друзья у меня не те, и музыку слушаю не ту. В общем, в последнее время живу в своей комнате за закрытой дверью.

«Понимаю, – подумала Катерина. – И у меня это было, и до сих пор так».

Девушка пыталась наладить отношения с матерью, рассказала ей в свое время про Дим Димыча. Что получила в ответ? Истерику. «Дура! Зачем я тебя только рожала?!»

«Очень хорошо тебя, девочка, понимаю».

Но вслух произнесла:

– А отец ребенка? Он в курсе?

– Да, еще одна тема для ругани. Он рок-музыкант, старше меня на пять лет. В клубе познакомились. Я пыталась его родунам представить. Заставила побриться ради такого случая, серьгу из ушей вынуть. И что? Они сразу: «А что вы играете?» Он им по простоте душевной диск подарил. Родители послушали и говорят: «Ты, Верочка, больше этого мальчика не приводи, это нехороший мальчик».

– А на твой взгляд, мальчик хороший?

– Не хуже других, – с вызовом ответила девушка.

– Вера, согласишься, это не повод рожать ребенка, – Катерина говорила как можно мягче.

– То есть вы тоже говорите про аборт?

– Нет, ни в коем случае. Сразу скажу, я – против. Это самый крайний вариант. Но только нужно рассчитать силы, понимаешь? Твои и твоих родителей. Да, да! – Мельникова жестом остановила попытавшуюся вставить слово Веру. – Как жить, на что жить, где жить? И, конечно, ребенок должен расти в полной семье: он не виноват. В его жизни должны быть и мама, и папа. И дедушки, и бабушки. Пусть он будет счастлив с рождения, ведь правда? – Катерина помолчала. – Вера, ты сейчас принимаешь самое важное решение в жизни. Не принимай его сама, раздели эту ответственность. Сама ты ребенка не воспитаешь, поэтому решение должно быть взвешенным, и все должны быть не против. Ведь время беременности – это же счастливое время. Когда тебя поддерживает семья, боится за тебя, переживает. Не лишай себя этого тоже. Ходить беременной в одиночестве, знаешь, несладко. Это сейчас кажется – все выдюжишь. А когда живот станет расти, да токсикоз замучает, да повернуться лишний раз не повернешься.

Вера, скрючившись, сидела на стуле. Весь пыл куда-то делся. Маленькая, жалкая, аж сердце у Катерины защемило.

В этот момент в дверь тихо постучали. Катерина тронула девочку за плечо:

– Открываю?

Та тихо кивнула.

За дверью стояла молодая красивая женщина, очень похожая на Веру. Вот бывает такое поразительное сходство, когда не спутаешь, что перед вами мать и дочь. Тоже с ярко-рыжей копной волос, небольшого роста, спортивная фигура. Было заметно, что женщина плакала – нос распух, глаза красные. Но, видимо, уже сходила в туалет, умылась, пришла в себя. Она подошла к дочери:

– Верочка, пошли домой.

Девочка смотрела на мать глазами, полными слез, ничего не понимая.

– Пойдем, и ничего не бойся. Все будет хорошо. Мы с папой поддержим любое твое решение. Ну, значит, у твоего сына дед с бабкой будут молодые. Разве это плохо?

Вера быстро подошла к матери, обхватила тонкими руками за шею и спрятала голову в ее роскошных волосах.

В кабинете плакали три женщины. Вера, ее мама и Катерина за компанию.

– Нас дождитесь! – В лифт к Катерине, громко топая и задышавшись, бежали два хирурга. Катя быстро нажала на кнопку «остановка дверей».

– Уф, чуть без нас не уехала!

– И что бы случилось? – Женщина пожала плечами. – Пешком бы дошли, вы ж людей от ожирения спасаете! А сами что?

– Людей мы спасаем, а себя бережем! – Достаточно полный Антонов подмигнул Катерине. – Сама знаешь, все кардинальное человеку во вред.

– Больным своим так же говоришь? – Мельникова, прищурясь, скрестила руки на груди.

Два молодца дружно заржали. Вот что интересно – Главный поощряет молодежь. В клинике работают в основном сорокалетние доктора. Вот и Смоляков с Антоновым, считай, пацанье. Смолякову – сорок пять, это Катерина точно знала: недавно отмечали его юбилей. Антонову – чуть за тридцать. Поэтому пошутить, разыграть коллег здесь принято, и те почти не обижаются. Чувство юмора пока осталось – не все еще пациенты из врачей вытащили!

– Ты чего, с нас же план спрашивают! А потом, действительно есть люди, кому показано, называются «тучные». И не смотри на меня так! Я – полный. – Антонов назидательно

взглянул на Катю.

– Слушайте, – подхватила она, – мне нужны какие-нибудь ваши рекламки в кабинет, а то, знаете, иногда такие пациентки приходят, которым и впрямь не мешало бы. Как ты говоришь, «тучные».

– Так заходи прямо сейчас. Андрей, покажешь Катерине наши листовки, а то мне еще нужно отзвониться по важному делу. – И, несмотря на полноту, Антонов легко побежал с телефонной трубкой в конец коридора.

Смоляков и Антонов занимались в клинике проблемой снижения веса, их отделение работало более чем успешно. В коридоре рядом с кабинетом Андрея уже дожидались своей очереди несколько толстяков. Смоляков кивнул всем доброжелательно:

– Через пять минут начну прием, не волнуйтесь.

Врач закрыл за собой дверь. Катерине сразу бросился в глаза идеальный порядок. Ей даже стыдно стало за то, что творится у нее на письменном столе. Вроде Катя и человек организованный, и лишние бумаги выкидывает своевременно – но у Смолякова царила прямо-таки стерильность. И еще – никаких милых сердцу мелочей. У каждого доктора обязательно найдешь или фотографии, или мишку плюшевого. Часто это – подарки детей, семейные коллажи. Некоторые доктора обожают фотографироваться с пациентами, особенно если те – личности медийные. Или еще того лучше: вывешивать все свои дипломы и грамоты. Здесь же – ничего. Ка-

ты усмехнулась про себя: «Как в больнице», – и села в кресло рядом со столом.

– Хирургию этим рекомендовать станешь? – начала она разговор.

– Которые в коридоре? – Мужчина кивнул на дверь. – Ну, тому, который за сто пятьдесят килограммов перевалил, – однозначно. Ему баллончик не поможет. Сама видела: одышка, потеет. Думаю, здесь уже целый букет – и сердце, и диабет.

– Андрей, операция же тяжелая, а с диабетом как?

– Так уходит диабет, в том-то и дело! Такие интересные показатели, удивительно. Только тут не все от лечения зависит – многое от самого человека. Я не бог, операцию-то проведу. Но потом же диета строжайшая! Все-таки БПШ – билиопанкреатическое шунтирование – вещь серьезная. Считай, человек лишается части желудка, организм должен с этой ситуацией справиться, и если ему не помочь, то угроза жизни реальна. Да что тебе объяснять, сама – врач. Мы все немножко психологи, и я предварительно с людьми беседую, смотрю, готовы ли они к такой операции.

– И с иностранцами?

– Нет, к этим что присматриваться? С ними все ясно – за бугром такая операция, знаешь, сколько стоит? Тридцать-пятьдесят тысяч косых! А у нас на все про все – пятерка. У них же в голове все просчитано, они знают, зачем едут. И потом, они организованны: приняли решение, заплатили и

будут соблюдать все рекомендации. Денег на ветер не выбросят. Вот наши – другое дело. Тут и заплатят, еще и осложнение какое подхватят – вытянем практически с того света. Смотришь, а они через год-два опять за старое. И опять в очереди сидят. Эх! Кстати, ты заметила? Там же один – пациент, а другой – родственник. Толстые оба, оперируем одного. Ну, а результат? Потом тот, кто родственник, опять нашего пациента подкармливать начнет. И понеслась душа в рай.

– Так что ж ты обоим операцию не предлагаешь?

– Шустрая! А ухаживать кто будет? Сложно все.

Андрей помолчал. Катя заметила на себе его внимательный взгляд. Чего это он? Прикидывает соотношение ее веса к росту? Ох уж эти взгляды врачей... Катя и сама при встрече с любой женщиной невольно смотрела на состояние кожи, белков глаз, искала симптомы гинекологических заболеваний. И невозможно от этого отделаться. Наверное, так во всех профессиях. Недавно Катя разговорилась на дне рождения у дальнего родственника с его папой-дирижером.

– Дядь Саш, а вы когда в зале музыку слушаете, вы ее слышите в целом или раскладываете на инструменты?

– Это, Катька, наша беда. Раскладываю, конечно, просто так слушать не могу. А уж если фальшивить начинают – хоть из зала выбегай.

Но в других профессиях все-таки не так. Врачи – народ особый, и взгляд у них не просто оценивающий, а с точки зрения здоровья оценивающий. Да нет, вроде ожирением Ка-

тя не страдает. Тогда почему он так смотрит?

Смоляков тряхнул головой.

– Извини, Катерин, так что ты хотела спросить?

– А про баллончик расскажи! – протянула женщина.

– Слушай, давай начистоту? При чем тут пациентки твои? Для кого-нибудь своего спрашиваешь – так и скажи!

Не умела Катерина хитрить, как ни старайся.

– Да мама поправилась страшно: восемьдесят пять килограммов! Переживает ужасно, нашла этот метод – давай, говорит, попробуем.

– А лет маме сколько? – Смоляков уже включил компьютер и, не прекращая давать Кате советы, просматривал свой будущий прием.

– Лет – шестьдесят пять.

– Значит так, баллон, – проговорил он, глядя на экран. – Баллон, Катерин, это как раз для снижения именно таких весов. В желудок вводится силиконовый баллон, и он занимает часть пространства. Человек начинает есть меньше. Через полгода баллончик удаляется, а привычка правильно питаться остается. Вот, собственно, и все. Но! Считай, две операции, и каждый раз легкий внутривенный наркоз. Для организма – стресс. В весе человек теряет до одной трети. В общем, показатели хорошие, но, опять же, все зависит от организованности самого человека. И потом, естественно, сразу поддерживаем омепразолом. Это необходимо для предупреждения развития воспаления и язв в желудке. С третье-

го-четвертого месяца лечения добавляем ксеникал, по капсуле во время каждого приема пищи. Возраст смущает, понимаешь?.. – Андрей задумался. – Я бы не стал. Мама чем занимается?

– А ничем. Пять лет назад бросила работать. И сразу начала поправляться. Целый день сидит перед телевизором, сериалы дурацкие смотрит, вот ей мысли всякие в голову и лезут.

– Вот, Катерина: все дело в голове. Ребенка тебе родить надо. Поможет лучше любого баллончика. Мама твоя сразу погрузится в заботы, оторвется от холодильника, и вес у нее стабилизируется.

– Молодец, Смоляков! Спасибо за совет. – Женщина скрестила руки на груди и насупилась.

– Ну ладно, ладно, не обижайся. Ну сама же все знаешь: побольше пить, дробное питание, гулять, двигаться, не есть после шести.

– Рекламку дай!

– Да вон, бери, сколько угодно.

Катерина направилась к выходу.

– Кать! – окликнул ее Смоляков. – А ты почему не замужем?

– У тебя там пациентов в коридоре целая очередь, ничего? – оглянулась женщина.

– Ничего, они у меня не переводятся, а ты вот первый раз зашла.

– Ну, давай как-нибудь еще раз зайду.

– А, может, давай в другом месте проблемы лишнего веса обсудим? – Доктор серьезно посмотрел на нее.

Да нет, не показалось ей. Тут, видимо, дело не в лишнем весе. Катя залилась краской. И сразу что-то случилось с голосом. Она попыталась ответить и зашлась в кашле.

– Фу ты, Смоляков, испугал аж меня. Впрочем, чего ж нам с тобой и не обсудить проблемы ожирения в неформальной обстановке? Телефон мой знаешь, я не против. Только ты заранее сообщи: я подготовлюсь, пару фактов выпишу, чтобы соответствовать твоей докторской степени, – и Катя быстро вышла из кабинета.

Очередь недовольно посмотрела на женщину, а молодой тучный мужчина начал тяжело вылезать из кресла. Да, проблема! И часто люди сами себе эту проблему создают, а потом вот и под нож хирурга готовы лечь. А что делать: всем хочется жить полноценной жизнью.

Катя шла к лифту. Смоляков. Что она про него знает? Вроде разведен. И весь в своих больных – то оперирует, то научные труды пишет, то выступает на конференциях с докладами о новых методиках. Человек, женатый на медицине. А сегодня – вот только что – вроде как пригласил ее на свидание. Или все-таки на обсуждение проблемы?

Катя уже и не знала, как отделить личное от работы – все перемешалось. И можно ли этим мужикам доверять? Она опять прокрутила в голове сегодняшний день: Заяц, Влад,

Главный. Или все же лучше иметь мужчин-врачей просто в хороших друзьях?

Женщина спустилась в отделение. Нужно было сделать записи в истории болезни. Если бы только больные знали, сколько у врачей бумажной работы. Как было бы хорошо – прооперировал и ушел, не оглядываясь! Но Катерина понимала: без записей не обойтись. Хотя она помнила всех своих больных и истории их болезней, но пациенты же еще поступали и из терапии. Поэтому процесс был построен так, что не нужно было звонить и долго расспрашивать – включил компьютер, нажал на кнопку и читай. Все и всегда подробно описано. Да и Катерина не вечная. И после ее, к примеру, ухода из клиники пациенты кому-то достанутся, и следующий доктор должен получить в наследство подробную информацию: что, как, почему.

У ординаторской женщину окликнула сестра с поста.

– Екатерина Павловна, – негромко проговорила она, – опять эта Евсеева ненормальная приходила. Вопила так, что все пациенты в коридоре слышали. Нет, правда-правда, я даже заметила, как одна женщина из очереди уйти попыталась – она к нам на первый прием. Я бы, услышав такое, тоже решила другую клинику поискать. В Москве выбор большой – за каждым углом.

Кате этот разговор был неприятен. Она вообще не любила обсуждать пациентов, тем более с младшим медперсоналом.

Но тут Клавдия была права. Эта Евсеева, выражаясь модным языком, достала всех. Ну да, известная артистка. Хотя не такая уж и известная. То есть Катерине вообще неизвестная.

Вошла в кабинет, как к себе домой, без приглашения села, закинув ногу на ногу, и отстраненно уставилась в окно. У Катерины сложилось полное впечатление, что это она, Катя, пришла на прием вот к этой самой девице. Причем что-то выпрашивать. Но та все равно, судя по ее поведению и выражению лица, ничего не даст.

Следом зашел мужик в виде шкафа, посмотрел в кабинете по сторонам и вышел. Катерина взяла себя в руки. Все же это ее кабинет, и она тут доктор. И потом пациент, как и клиент, всегда прав.

– Это ваш спутник? Он может остаться.

– Зачем? – недоуменно спросила сильно накрашенная молодая девица.

– Ну, он же зачем-то заходил?

– Это мой охранник, неужели непонятно. – Дамочка начала нервничать.

Катерина поняла, что она что-то делает не так. Только что?

– Пожалуйста, назовите вашу фамилию, имя, отчество и год рождения.

Катерина приготовилась писать. Но в ответ не услышала ничего – гробовое молчание. Недоуменно подняла голову: на нее смотрели расширенные от ужаса глаза.

– Что, что случилось?

– Вы не знаете мою фамилию?!

Катерина догадалась: она совершила преступление. Видимо, перед ней сидела звезда каких-нибудь сериалов, и вот Катерина посмела ее не узнать. Боже, что делать?! Она – врач, должна оставаться доброжелательной в любой ситуации, поэтому сейчас придется успокаивать эту самую новоиспеченную, узкому кругу известную звезду.

– Извините, если я вас обидела. Просто очень много работы. Я оперирующий хирург, дежурства ночные, дома почти не бываю, совсем отстала от жизни. Хотя, судя по вашей внешности, вы, должно быть, актриса?

Катерине самой было противно от такой тирады, но куда деваться? Сами же приучаем таких звездочек-однодневок к поклонению, вот они и верят. По своей недалекости. Ну что собой представляет эта девушка, хотя бы внешне? Особенно если смыть с нее килограммы косметики? Просто симпатичная простушка, и все.

Мельникова с высоты своих лет и опыта уже понимала: таких нужно жалеть. И желать им от всей души, чтобы жизнь не стукнула их слишком сильно.

Новомодная звездочка тем временем простила безграмотного доктора.

– Евсеева. Анжелика. Сериал «Тупые». Надеюсь, хоть слышали?

– А то! – Катерина поразилась названию, но попыталась

не показать виду.

– Свой возраст я, естественно, не озвучиваю. И не спрашивайте, замужем ли я и есть ли у меня дети. Это все коммерческая тайна. Так составлен мой договор.

– Как же я вас буду лечить?

– Это уж ваши проблемы!

Слишком светлые волосы, слишком длинные ноги, ногти и ресницы. Всего чересчур – голых плеч, несмотря на уличный холод, пышных форм. И минимум одежды.

Катерина смотрела на девушку уже безо всякого сожаления. Сколько ей лет? Ну, уже к тридцати – должна бы сообщать. И раз пришла не в отделение, а в хирургию, стало быть, у нее проблемы. У нее, а не у Катерины Мельниковой и не у продюсера этой дурочки, с которым заключен договор. Так что проблемы эти, милочка, твои!

– К моему большому сожалению, вам сейчас придется нарушить условия договора, потому что возраст ваш мне нужно знать обязательно. Как и то, сколько было беременностей, сколько из них прерывалось, а сколько закончилось родами. И это только мои первые вопросы к вам. Анжелика, вы взрослая женщина, и мы с вами не в кино.

Каждый приход Евсеевой в клинику сопровождался маленьким шоу. Потом-то Катерина разобралась, что это тоже часть профессии. Скандал – еще лучше! О нем можно написать в желтой прессе, об этом потом долго будут говорить!

Ничего не поделаешь – но как же хочется просто работать.

Честно выполнять свое дело, лечить людей и не тратить попусту время на еще один дополнительный пиар для какой-то малозаметной актрисы.

Катерина вдруг вспомнила, что нужно отчитаться по баллончикам.

– Мама? Как дела? Все нормально. На работе. Как папа? Да все хорошо. Мам, да ничего здесь интересного не происходит. Честно. Да, кстати, давно хотела спросить, ты такую Евсееву знаешь? Нет? Сериал «Тупые»? А-а, для молодежи? Приеду в выходные, расскажу подробно. Я тут для тебя про баллоны информацию собрала. Не нужно тебе это. Ну, как знаешь. Папа спрашивает, что мне приготовить? Блинчики с мясом. С икрой? С икрой давайте тоже.

Катерина нажала отбой. Наверное, она несправедлива к родителям. Ей непонятен их образ жизни, а они расстраиваются из-за ее неустроенности. Иногда ей, правда, кажется, что самое большое неудобство родители испытывают при разговоре с друзьями. Сами уже вроде привыкли: не замужем и не замужем. Но что подумают лю-юди?!

– Как дочура?

– Замечательно. Хирург в частной клинике. Прямо запись к ней стоит!

– А сколько ей уж, со-орок?! Замужем, дети есть?

И вот тут-то родителям ответить нечего. У всех дочери и замужем, и дети по лавкам – не пересчитать. Никого не волнует, что муж уже третий или уже просто бывший и с детьми

проблемы. Зато – все, как у всех. А у нас что? Одна Эсмеральда! И неважно, что многого добились в профессии и действительно хороший доктор! Нет, это не главное. И стесняются, и тушуются, и опускают глаза, как будто в чем-то виноваты. Они все время с ней боролись и до сих пор борются. Вот ей скоро сорок, а они все поучают и пытаются доказать, что она живет неправильно.

Катерина отвела взгляд от монитора и посмотрела в окно. Раньше из него была видна березовая роща, а сейчас построили ужасного бетонного монстра, и взгляд упирался в чужие окна. Никакой романтики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.